

ЭЛИЗАБЕТ
ХОЙТ

Дражайший
плут

Элизабет Хойт
Дражайший плут
Серия «Мейден Лейн», книга 8
Серия «Очарование (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69636295
Дражайший плут : роман / Элизабет Хойт: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147088-3

Аннотация

Леди Феба Баттен красива, остроумна, обладает живым и бойким характером... но, к сожалению, слепа. Опасаясь за нее, старший брат нанимает телохранителя – закаленного в боях капитана Джеймса Тревельона, вынужденного распрощаться из-за последствий ранения с военной службой.

Поначалу это кажется очень плохой идеей: суровый солдат и дерзкая девушка буквально не выносят друг друга. Но постепенно их пикировки становятся все более дружелюбными, а дружба с каждым днем превращается в куда более нежное чувство.

Чувство, ради которого Джеймс рискнет собственной жизнью, когда Фебу похитит таинственный и опасный негодяй...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	82
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Элизабет Хойт

Дражайший плут

Elizabeth Hoyt

DEAREST ROGUE

© Nancy M. Finney, 2015

© Перевод. Е.Ю. Елистратова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

* * *

Глава 1

Лондон, Англия

Июнь 1741 г.

Капитан Джеймс Тревельон, в недавнем прошлом служивший в Четвертом драгунском полку, был человеком неробкого десятка: выслеживал разбойников в трущобах прихода Сент-Джайлз, охотился на контрабандистов в скалах Дувра и охранял виселицы в Тайберне в самый разгар мятежа, – но до сегодняшнего дня никак не предполагал, что опасность может грозить прямо на Бонд-стрит.

Была среда, стоял солнечный полдень, и на Бонд-стрит съехался весь модный Лондон, желавший потратить состояние на наряды и побрякушки и пребывавший в блаженном неведении насчет возможного разбойного нападения.

Как, собственно, и подопечная Тревельона.

– Сверток от Фертлеби у вас? – спросила леди Феба Баттен.

Леди Феба, сестра герцога Уэйкфилда, пухленькая, обезоруживающе хорошенькая, была совершенно слепой, поэтому ее рука лежала сейчас на локте левой руки Тревельона. Задача капитана была охранять леди Фебу, помогать передвигаться в пространстве.

– Нет, миледи, – рассеянно ответил Тревельон, наблюдая за одним – нет, тремя – грозного вида верзилами, которые

направлялись прямо к ним сквозь разодетую толпу.

Щеку одного из них уродовал шрам, второй щеголял огненно-рыжей шевелюрой, а у третьего, казалось, вовсе не было лба. Все трое, в одежде рабочих, были здесь явно не к месту, и это ничего хорошего не сулило – их алчущие взгляды были прикованы к его подопечной.

Интересно. До сегодняшнего дня его задачей было в основном не дать леди Фебе заблудиться. Более серьезные опасности ее драгоценной особе не грозили.

Тяжело опираясь на трость в правой руке, Тревельон бросил взгляд назад. Прекрасно. Вот и четвертый бандит.

Он почувствовал, что в нем нарастает мрачная решимость.

– Видите ли, кружево было исключительно тонкое, – продолжала леди Феба. – И по особой цене, которую я, несомненно, больше нигде не встречу, и, если я забыла его в одном из магазинов, куда мы с вами заходили, я буду очень расстроена, очень!

– В самом деле?

Ближайший бандит – тот, у которого не было лба, – прижимал к боку... что? Нож? Пистолет? Тревельон перехватил трость левой рукой, а в правой сжал собственный пистолет, один из тех двух, что покоились в кобурах на ремнях из черной кожи, препоясывавших крест-накрест его грудь. Его правая нога запротестовала, внезапно лишившись опоры.

Два выстрела, четверо мужчин. Шансы так себе.

– Да, – ответила леди Феба. – И мистер Фертлеби заботливо сообщил мне, что кружево было изготовлено кузнечиками, которые сплетают крылышки для бабочек на острове Мэн. Другого такого нет в целом свете!

– Я вас слушаю, миледи, – пробормотал Тревельон, когда первый бандит оттолкнул в сторону пожилого франта в громоздком белом парике.

С бранью франт потряс сморщенным кулачком, но бандит даже головы не повернул.

– В самом деле? – мило осведомилась она. – Потому что...

Бандит вскинул руку с пистолетом, и Тревельон выстрелил ему прямо в грудь. Леди Феба стиснула локоть Тревельона.

– Что?..

Две дамы и франт вскрикнули, трое остальных бандитов бросились бежать... в их сторону.

– Держитесь за меня, – посоветовал Тревельон, быстро оглядываясь вокруг: одному не одолеть троих, ведь у него в запасе остался всего один выстрел.

– А что, по-вашему, я делаю сейчас? – недовольно спросила леди Феба.

Краем глаза он заметил, что ее нижняя губа оттопырена, точно у малого дитяти, и едва сдержал улыбку.

– Налево. Быстро!

Он направил ее в указанном направлении, и его правую ногу пронзила адская боль. Еще не хватало, чтобы эта чер-

това нога его подвела! Он сунул первый пистолет в кобуру и вытащил второй.

– Вы в кого-то там стреляли? – спросила леди Феба, когда ее на бегу грубо толкнула какая-то визжащая матрона.

Она споткнулась и упала на Тревельона, и он левой рукой обхватил ее узенькие плечи, плотнее прижимая к себе. Охваченная паникой толпа так и напирала, отчего им было трудно продвигаться вперед.

– Да, миледи.

Ага. На дороге в паре шагов от них мальчишка держал поводья тощего мерина гнедой масти. Лошадь тревожно сверкала белками глаз, ноздри широко раздувались, но при звуке выстрела не понесла, что было добрым знаком.

– А зачем? – Ее лицо было обращено к Тревельону, и теплое дыхание обдавало подбородок.

– Мне показалось это забавным, – хмуро ответил Тревельон, оглянувшись назад.

Два бандита: тот, что со шрамом, и второй – не могли пробиться сквозь толпу вопящих светских дам, зато рыжеволосый решительно орудовал локтями, прокладывая себе путь – прямо в их сторону.

Мерзавцы. Но он не даст им до нее добраться.

– Вы его убили? – с живейшим интересом спросила леди Феба.

– Возможно.

Они добрались-таки до лошади и мальчишки. Мерин по-

вел головой, когда Тревельон схватил стремя, но не взбрыкнул. Хорошая лошадка.

– Полезайте.

– Куда?

– На коня, – буркнул Тревельон и, подняв ее руку, хлопнул ладонью о седло.

– Ай! – воскликнул мальчишка.

Леди Феба была дамочкой сообразительной: нащупала стремя и сунула в него ножку. Тревельон решительно обхватил ее роскошный зад и толкнул вверх, забрасывая леди в седло.

– Уф! – Она крепко ухватилась за шею лошади, но испуганной отнюдь не казалась.

– Спасибо, – бросил Тревельон сквозь зубы мальчишке, который вытаращил глаза, заметив в его свободной руке пистолет.

Бросив трость, он неуклюже плюхнулся в седло позади своей подопечной, вырвал поводья из руки мальчишки и, с пистолетом в правой руке, левой обнял леди за талию и крепко прижал к своей груди.

Рыжеволосый бандит подскочил к лошади и протянул было руку, пытаясь ухватиться за узду: его губы сложились в омерзительную ухмылку, – но Тревельон выстрелил ему прямо в лицо.

В толпе завопили, лошадь едва не встала на дыбы, отчего леди Фебу опрокинуло прямо на Тревельона, однако он вон-

зил колени в бок животного, пуская в галоп, и заодно засунул пистолет назад в кобуру.

Пусть в пешем строю он калека, но в седле – сам дьявол.

– И этого вы тоже убили? – вскрикнула леди Феба, когда они увернулись от телеги.

Ее шляпка слетела, и светло-каштановые локоны щекотали губы.

Она была жива и невредима, вот что важно. Остальное пустяки.

– Да, миледи, – тихо сказал он ей на ухо, сухо и почти безразлично, ведь леди вовсе не обязательно знать, как он волнуется, когда держит ее в объятиях.

– Вот и хорошо.

Он подался вперед, вдыхая аромат розы, который источали ее волосы – аромат невинный и запретный, – и прищиприл коня, пуская галопом сквозь самое сердце Лондона.

И в этот момент леди Феба откинулась назад и рассмеялась навстречу ветру, уронив голову на плечо капитану Тревельону, – очень неприличная поза – чувствуя, как ветер обдает лицо и как ходит ходуном спина лошади. Она даже не отдавала себе отчета в том, что смеется, пока собственный смех – радостный и беззаботный – не поразил ее слух.

– Вы смеетесь над смертью, миледи?

От этого кислого тона даже легкокрылый эльф почувствовал бы себя так, будто у него на ногах кандалы, однако за последние полгода Феба привыкла к мрачному голосу капи-

тана Тревельона и научилась игнорировать и голос, и самого капитана... то есть более или менее игнорировать.

– Я смеюсь, потому что последний раз скакала верхом много лет назад, – ответила Феба с легчайшим оттенком укоризны. Она всего лишь человеческое существо, если на то пошло. – И не позволю вам внушить мне чувство ложной вины и испортить впечатление: в конце концов, его убили вы, а не я.

Тревельон фыркнул, а конь тем временем обогнул угол и им с капитаном пришлось наклониться в едином порыве. Она чувствовала спиной, какая широкая и сильная у него грудь, а ремни с пистолетами служили напоминанием, что он не остановится ни перед чем, если понадобится. Феба услышала возмущенный крик – лошадь неслась, не разбирая дороги – и едва не рассмеялась. Да, вообще-то капитан действовал на нее раздражающе, зато не было сомнений: в обиду ее не даст, – хоть она ему не очень-то и нравится.

– Он хотел причинить вам вред, миледи, – ответил Тревельон сухим, как пыль, тоном, и его рука сильнее сжала ее талию, потому что в этот момент коню пришлось перепрыгивать через какое-то препятствие.

Ах, это мгновенное ощущение пустоты в животе, словно она вдруг сделалась невесомой, глухой стук копыт, снова коснувшихся земли, и движение мощных мускулов лошадиной спины! Феба не преувеличила, когда сказала капитану, что не наслаждалась скачкой долгие годы. Она не была слепа

с рождения. Пока ей не исполнилось двенадцать, все было в порядке – она даже очков не носила! Сейчас она уже не помнила, когда это началось: просто однажды все стало расплываться перед глазами, а яркий свет начал причинять резкую боль. Тогда казалось, не из-за чего тревожиться, зато теперь, в возрасте двадцати одного года, она совершенно ничего не видела почти два года. То есть могла различить смутный силуэт против очень яркого света, однако в серый пасмурный день, как сегодня, ничего: ни птицы в небе, ни отдельного лепестка в цветке розы, ни ногтей на собственной руке – хоть тычь ею прямо в лицо. Ничего этого она больше не видела, лишившись заодно многих простых удовольствий жизни, – например, удовольствия от верховой езды.

Она держалась за жесткую гриву коня, наслаждаясь уверенными действиями капитана Тревельона. Его непринужденное мастерство обращения с лошадьми ее нисколько не удивляло: ведь он был драгуном, конным воином, и часто сопровождал свою подопечную в ее походах ни свет ни заря в конюшни Уэйкфилда.

Вокруг них гремела обычная, никогда не стихавшая какофония Лондона: стук колес карет и телег, топот тысяч ног, журчание голосов, набиравших громкость в песне или споре. Кто-то покупал или продавал, а кто-то воровал, торговцы расхваливали товар, вопили малые дети, звонко цокали копыта проносившихся мимо лошадей, колокола церковей отбивали часы, получасы, а иногда даже четверти часа.

Они продвигались вперед, и отовсюду раздавались раздраженные крики. Галоп – не слишком подходящий способ передвижения для Лондона, а судя по тому, как ходили под ними мускулы лошадиной спины и внезапно менялись направления, Тревельону то и дело приходилось уворачиваться от транспорта и прочих уличных препятствий.

Повернув голову, она вдохнула поглубже. От капитана ничем не пахло: разве что порой ей случалось уловить запах кофе или слабый лошадиный дух, но ничего больше.

Это было досадно.

– Где мы сейчас?

Должно быть, ее губы оказались в неприличной близости от его щеки, однако видеть его она решительно никак не могла. Она знала, что он хромотает на правую ногу, что ее макушка достает ему до подбородка, что у него твердые мозоли между средним и безымянным пальцами левой руки, но вот как выглядит капитан, Феба и понятия не имела.

– Разве не поняли еще, чем пахнет, миледи?

Она слегка повела головой, пригнувшись, и сразу же наморщила носик, ощутив вонь рыбы, сточной канавы и гнили.

– Темза? А почему вы выбрали эту дорогу?

– Хочу убедиться, что они нас не преследуют, миледи, – ответил он невозмутимо.

Иногда Феба задавалась вопросом: как отреагировал бы капитан Тревельон, если бы она залепила ему пощечину? Или, к примеру, вздумала поцеловать? Куда бы подевалась

его выдержка, которая просто сводила ее с ума?

Не то чтобы она и правда хотела поцеловать этого типа. Вот ужас-то! Наверное, у него губы холодные, как у скумбрии.

– Неужели они побежали бы за нами так далеко? – засомневалась Феба.

Теперь, когда у нее было время подумать, все случившееся показалось ей совершенно невероятным: на них напали не где-нибудь, а на Бонд-стрит! Запоздало вспомнила она и о кружеве и опечалилась утратой замечательной покупки.

– Не знаю, миледи, – ответил капитан Тревельон, умудрившись казаться одновременно и снисходительным, и безразличным. – Вот почему я выбрал столь неожиданный маршрут.

Она крепче ухватилась за гриву лошади.

– Хорошо. А как они выглядели – те, которые на меня напали?

– Ничего необычного: разбойники, грабители, бандиты...

– Наверное, вот и объяснение, – не вполне уверенно предположила девушка. – То есть им все равно, кого грабить, не обязательно именно меня.

– На Бонд-стрит? Среди бела дня? – Его голос был лишен какой-либо интонации, но все-таки она услышала сомнение.

Феба с досадой вздохнула. Лошадь успела перейти с галопа на спокойный ход, и она погладила шею животного. Пальцы ощутили гладкость и маслянистый налет на шерстке, по-

слышалось довольное фырканье.

– Я все равно не могу понять, чего они хотели.

– Похищение ради выкупа, ограбление – зачем долго думать, миледи? В конце концов, вы сестра одного из самых богатых и могущественных пэров Англии.

Феба наморщила носик.

– Капитан Тревельон, вам кто-нибудь говорил, что вы излишне прямолинейны?

– Только вы, миледи. – Похоже, он повернул голову: она почувствовала его дыхание, слегка отдававшее кофе, на своем виске. – По самым разным поводам.

– Что же, позвольте пополнить этот список. Где мы сейчас?

– Приближаемся к Уэйкфилд-хаусу, миледи.

Услышав его слова Феба вдруг осознала весь ужас положения: Максимус! – и тут же принялась причитать.

– О-о! Вы знаете, мой брат сегодня ужасно занят! Нужно же заручиться поддержкой, чтобы принять тот новый акт...

– Сейчас парламент не заседает.

– Иногда на это уходят месяцы, – заметила она с серьезным видом. – Это очень важно! И... и еще наводнение в йоркширском поместье. Не сомневаюсь, что из-за него брат лег спать лишь под утро. Это ведь в Йоркшире? Или в Норт-амберленде? Никак не могу запомнить: они оба так далеко на севере. В любом случае, я думаю, нам нельзя его беспокоить.

– Миледи, – с типично мужским упрямством, не допускающим возражений, заявил капитан Тревельон, – я должен проводить вас до комнаты, где вы сможете прийти в себя...

– Я же не ребенок! – с вызовом воскликнула Феба.

– ...и выпить чаю.

– Может, еще и каши поесть? Так я ее с детства ненавижу.

– А затем я предоставлю отчет о сегодняшних событиях его светлости, – закончил Тревельон, пропустив ее возражения мимо ушей.

Именно этому Феба и пыталась воспрепятствовать. Когда Максимус узнает о сегодняшнем приключении, у него будет повод ввести еще больше ограничений, и она сомневалась, что сумеет сохранить рассудок, если такое случится.

– Иногда я вас просто ненавижу, капитан Тревельон.

– Искренне рад, что не всегда, миледи, – сказал он спокойно и остановил коня, пробормотав что-то одобрителное послушному животному.

Беда! Должно быть, они уже в Уэйкфилд-хаусе.

В последней отчаянной попытке она схватила его руку, зажав между своими маленькими ладонями.

– Неужели так уж необходимо ему все рассказывать? Мне бы так не хотелось. Пожалуйста! Ради меня!

Глупо, конечно, его уговаривать: похоже, этому типу безразличны все вокруг, не только она, – но положение у нее было отчаянным.

– Прошу прощения, миледи, – сказал Тревельон совер-

шенно спокойно, – но я работаю на вашего брата и не стану уклоняться от исполнения долга, утаивая от него столь важные сведения.

Он высвободил руку, и теперь ее пальцы хватали воздух.

– Ну что же, если это ваш долг, – начала Феба, не скрывая обиды в голосе, – тогда не стану вам препятствовать.

С самого начала глупо было на что-то надеяться. Ей следовало бы помнить, что капитан Тревельон черств как сухарь, чтобы тронуть его мольбами, взывая к состраданию, коего у него, похоже, вовсе не имелось.

Он не обратил внимания на ее обиду и велел, словно бестолковой собачонке:

– Оставайтесь здесь.

Она почувствовала отсутствие тепла его тела: значит, он спешился, – потом услышала запоздалое:

– Миледи.

Она фыркнула, однако подчинилась, поскольку не была такой уж дурочкой, каковой он ее, кажется, считал.

– Кэ-эп! – Голос принадлежал лакею Риду, которого взяли на работу совсем недавно: парень то и дело сбивался на акцент лондонского простонародья, когда спешил.

– Приведите Хатуэя и Грина, – приказал капитан Тревельон.

Феба услышала, как лакей куда-то помчался – вероятно, назад в Уэйкфилд-хаус, – потом раздались возбужденные мужские голоса и опять шаги то тут, то там. Все это сбива-

ло с толку. Она сидела на лошади в весьма затруднительном положении, поскольку не могла спешиться, но вдруг поняла, что почему-то не слышит голоса Тревельона. Похоже, ее провожатый уже вошел в дом.

– Капитан?

Лошадь под ней переступила с ноги на ногу, пятясь назад, и Феба, чтобы не свалиться, вцепилась в гриву. Теперь ей стало страшно.

– Капитан?

– Я здесь, – раздался его голос откуда-то снизу, от ее колена. – И никуда не уходил, можете не волноваться, миледи.

Ее затопила волна облегчения, но тон ее был резким:

– Отлично, но я не могу вас видеть, поэтому должна ощущать ваш запах.

– Как вонь от Темзы? – Она почувствовала крупные руки Тревельона на своей талии, уверенные и осторожные, которые снимали ее с седла. – Вообще-то я бы предпочел не вонять рыбой ради того, чтобы вы могли меня унюхать.

– Не надо утрировать: речь о чем-то именно вашем – одеколон пришелся бы кстати.

– Я нахожу, что благоухать пачули столь же отвратительно, миледи, как вонять рыбой.

– Только не пачули. Это должно быть что-то более уместное для мужчины, – сказала Феба, обращаясь мыслями к духам и связанным с ними возможностям, едва очутившись на земле. – Может быть, что-то горьковатое, с ароматом дерева,

кожи, дыма...

– Как скажете, миледи, – учтиво, но с некоторым сомнением согласился капитан.

Тревельон обнял ее за плечи одной рукой: наверное, в другой у него был один из этих ужасных огромных пистолетов, – и Феба почувствовала, как он слегка пошатнулся. Похоже, он потерял свою трость. Вот черт! Ему нельзя ходить без нее: нога причиняла ему ужасные страдания.

– Феба! Что случилось?

О боже! Кузина Батильда Пиклвуд.

Потом раздался пронзительный лай и топот лап, прежде чем Феба почувствовала, как Миньон, любимый крохотный спаниель кузины, повис на ее юбках.

– Миньон, назад! – окрикнула песика Батильда, потом раздался глубокий голос Тревельона:

– Если позволите, я провожу миледи в дом, мэ.м.

Чтобы кузина Батильда не тревожилась понапрасну, Феба сказала, когда они стали взбираться по ступеням парадной лестницы Уэйкфилд-хауса:

– Я в полном порядке, а вот капитан Тревельон потерял свою трость. Надо бы поскорее найти ей замену.

– Что... – вмешался было Рид, но капитан, не обращая внимания ни на Фебу, ни на ее кузину, рявкнул:

– Немедленно проводите леди Фебу в ее покои и оставайтесь с ней вплоть до моих дальнейших распоряжений. Это относится и к Хатуэю.

– Да, сэръ.

– О-о, бога ради! – воскликнула Феба, когда они преодолели порог и Миньон вдруг начал возбужденно твякать. – Вряд ли мне понадобятся двое слуг...

– Миледи! – суровым тоном оборвал ее Тревельон.

О, она хорошо знала этот тон! А потом посреди всеобщей суматохи раздался баритон, от которого по ее спине поползли ледяные мурашки ужаса.

– Какого черта здесь происходит? – поинтересовался ее брат, Максимус Баттен, герцог Уэйкфилд.

Высокий и худощавый, с длинным, изборожденным морщинами лицом, герцог Уэйкфилд нес свой титул, как кто-нибудь другой мог бы нести меч: вроде как игрушка в парадных ножнах, но готов к бою, с острым и смертоносным лезвием.

Тревельон поклонился хозяину.

– Леди Феба цела и невредима, ваша светлость, однако у меня есть важное сообщение.

Черная бровь Уэйкфилда под белым париком выгнулась дугой, но капитан выдержал взгляд хозяина. Пусть он и герцог, но Тревельон не из пугливых и ему не впервой сносить раздражение и гнев работодателя. Вот только бы нога не подвела, которая взрывалась залпами боли, отдающейся в бедро.

В передней, едва появился герцог, воцарилась тишина. Даже собачонка мисс Пиклвуд перестала лаять. Леди Феба

поежилась под рукой капитана, прежде чем тяжело вздохнуть, нарушая тишину.

– Ничего не случилось, Максимус. Право же, нет необходимости...

– Феба! – положил конец ее попытке сгладить ситуацию голос Уэйкфилда.

Рука Тревельона на миг чуть сильнее сжала ее хрупкие плечи.

– Ступайте с мисс Пиклвуд, миледи.

Если бы его голос был способен обретать ноты нежности, то это произошло бы сейчас. Ее светло-каштановые волосы рассыпались по плечам, нежные щеки разрумянились после верховой езды, рот казался бутонем алой розы. Она выглядела юной и немного растерянной, хоть и находилась в отчем доме. Ему очень хотелось по-настоящему обнять ее, предложить помощь там, где о ней не просили и где в ней не было нужды. Что-то сжалось в его груди – только раз, мимоходом, – прежде чем он прогнал это чувство и похоронил под грудой резонансов, доказывавших невозможность инстинктивных побуждений, потакать которым было глупо.

Он обратился к лакеям.

– Рид!

Когда-то Рид служил у него солдатом. Это был нескладный детина, высокий и такой худой, что ливрея висела мешком на его узкой груди. Руки и ноги были слишком велики по сравнению с телом, острые локти и колени придавали ему

вид цапли, но глаза на некрасивом лице излучали ум и смекалку.

Рид кивнул, получив и поняв команду без дальнейших пояснений, дернул подбородком в сторону Хатуэя, юноши двенадцати лет, и, когда мисс Пиклвуд повела Фебу прочь, оба парня двинулись за ними следом.

Подопечная капитана на ходу бросила что-то насчет мужского гнета, и Тревельон спрятал улыбку.

– Капитан... – Голос герцога заставил его спрятать улыбку подальше.

Уэйкфилд кивнул, предлагая пройти в глубь дома, где находился его кабинет, прежде чем повернуться и проследовать в указанном направлении. Тревельон последовал за хозяином.

Уэйкфилд-хаус относился к числу самых больших частных резиденций Лондона, и коридор, по которому они шли, был бесконечным. Нога Тревельона совсем разболелась, прежде чем они добрались до кабинета герцога, миновав по пути небольшую статую, двери малой библиотеки и гостиной. Кабинет был хоть и небольшой, но уютный и со вкусом отделанный: темное дерево и пушистый ковер, яркий, как россыпь драгоценных камней.

Уэйкфилд закрыл за ними дверь, прошел к огромному письменному столу и сел. В обычных обстоятельствах Тревельон не посмел бы сидеть перед его светлостью, но сегодня соблюдать табель о рангах не было возможности, поэтому

неуклюже плюхнулся на один из стоявших перед письменным столом стульев. Как раз в этот момент в дверь постучали и вошел Крейвен.

Внешне слуга напоминал ходячее пугало: высокий, худой, неопределенного возраста – ему можно было дать и тридцать, и шестьдесят. Он числился камердинером герцога, но Тревельон очень скоро понял, что это далеко не просто камердинер.

– Ваша светлость, – произнес Крейвен.

Уэйкфилд кивнул вошедшему.

– Леди Феба.

– Понимаю. – Камердинер плотно закрыл за собой дверь и подошел к письменному столу, но не сел, а остался стоять.

Герцог и слуга воззрились на Тревельона.

– Четверо мужчин на Бонд-стрит, – сообщил тот.

Брови Крейвена поползли вверх так, что едва не скрылись под волосами. Уэйкфилд вполголоса выругался.

– Бонд-стрит?

– Да, ваша светлость. Я застрелил двоих, раздобыл лошадей и умчал леди Фебу прочь от опасности.

– Они что-нибудь говорили?

– Нет, ваша светлость.

– Проклятье!

Крейвен деликатно кашлянул.

– Мейвуд?

Уэйкфилд нахмурил брови.

– Разумеется, нет. Он же не лишился рассудка!

Слуга фыркнул.

– Его светлость проявил исключительную настойчивость в своем желании приобрести ваши земли в Ланкашире, ваша светлость. Не далее как вчера мы получили очередное письмо, составленное в весьма неучтивых выражениях.

– Этот болван думает, будто я не знаю, что у нас там залегают угольный пласт. – Уэйкфилд брезгливо скривился. – Никак не возьму в толк, почему он помешался на угле.

– Полагаю, он думает, что уголь может быть топливом для больших механических машин, – заметил Крейвен, внимательно разглядывая потолок.

– Вот как? – Похоже, Уэйкфилд даже на минуту растерялся.

– Кто такой Мейвуд? – спросил Тревельон.

Герцог взглянул на него.

– Виконт Мейвуд, мой сосед в Ланкашире и слегка не в себе. Несколько лет назад он прожужжал мне все уши – о чем бы вы думали? О репе.

– Чокнутый или нет, однако многие слышали от него угрозы в адрес вашей светлости, – осторожно напомнил Крейвен.

– Мне, угрозы адресовались мне, а не моей сестре, – возразил Уэйкфилд.

Тревельон, растирая правое бедро, пытался сообразать.

– И как нападение на вашу сестру помогло бы ему в этой затее с углем?

Уэйкфилд махнул рукой.

– Да никак.

– Ваша светлость, нападение на леди Фебу ему бы не помогло, – тихо заметил Крейвен, – однако они могли похитить ее и удерживать до тех пор, пока вы не согласитесь продать землю, а что еще хуже, силой заставили бы ее выйти за его сына...

– Наследник Мейвуда уже женат! – рывкнул Уэйкфилд.

Крейвен покачал головой.

– Нет. Он хотел жениться на девице-католичке, но, как я понимаю, это не признается англиканской церковью. Под этим предлогом Мейвуд объявил брак недействительным.

При одной лишь мысли, что Фебу могут заставить выйти замуж без любви, Тревелион стиснул зубы.

– Неужели Мейвуд настолько безумен, чтобы предпринять нечто подобное, ваша светлость?

Глубоко погружившись в размышления, Уэйкфилд откинулся на спинку стула, взгляд его был прикован к лежавшим на столе бумагам. Внезапно он хватил кулаком по столу, да так, что подпрыгнула чернильница.

– Да, да, вполне возможно, что Мейвуд окончательно выжил из ума – он вообще с головой не дружит. Проклятье, Крейвен, я не допущу, чтобы из-за меня Феба подвергалась опасности.

– Разумеется, ваша светлость, – спокойно согласился слуга. – Прикажете мне заняться этим делом?

– И немедленно! Мне нужны факты, прежде чем я начну принимать какие-то меры, – распорядился Уэйкфилд.

Тревелион осторожно вытянул ногу и заметил:

– Но нам не следует сбрасывать со счетов и других подозреваемых. Возможно, за попыткой нападения стоит вовсе не Мейвуд.

– Вы правы. Крейвен, обратитесь к Пинкертонам: потребуется провести расследование.

– Непременно, ваша светлость.

Уэйкфилд вдруг пронзил Тревелиона взглядом.

– Благодарю вас, капитан, вы сегодня спасли мою сестру.

Тот кивнул.

– Это мои обязанности, ваша светлость.

– Да. – Герцог испытующе взглянул на его ногу. – Вы сможете продолжать их выполнять в таком состоянии?

Тревелион замер. У него имелись сомнения, но он опасался говорить о них вслух. Разумеется, он был недостаточно хорош, чтобы охранять леди Фебу.

– Да, ваша светлость.

– Вы так уверены?

Тревелион твердо взглянул герцогу в глаза. Почти двенадцать лет он командовал драгунами его величества и никогда ни перед кем не отступал.

– Как только я пойму, что не способен выполнять свои обязанности, подам в отставку прежде, чем вы мне об этом скажете, ваша светлость. Даю слово.

Уэйкфилд кивнул.

– Очень хорошо.

– С вашего позволения я хотел бы назначить Рида и Хатуэя на постоянное дежурство подле леди до тех пор, пока мы не установим, откуда исходит опасность, и не устраним ее.

– Здравая мысль. – Уэйкфилд встал, но тут раздался стук в дверь. – Войдите!

Дверь распахнулась, и вошла Пауэрс, горничная леди Фейбы, миниатюрная брюнетка, любительница сооружать затейливые прически и носить яркие платья с вышивкой, надеть которые не погнушалась бы и принцесса.

Девушка профессионально присела в реверансе и заговорила превосходно поставленным голосом, в котором смутно проскальзывали нотки бывшего ирландского акцента.

– Прошу прощения, ваша светлость, но ее светлость прислала меня передать капитану Тревельону вот это.

Горничная протянула ему трость.

Тревельон почувствовал, как вспотела шея, однако встал, опираясь на спинку стула. Это стоило ему... боже, чего это ему стоило! Но попросил он совершенно спокойно:

– Не могли бы вы подать мне ее, мисс Пауэрс?

Горничная торопливо подошла и вручила ему трость.

Поблагодарив девушку, Тревельон заставил себя взглянуть в глаза хозяйину.

– Это все, ваша светлость?

– Да.

Слава богу, Уэйкфилд был не из тех, кто пожалеет: ни следа сострадания не было в его глазах.

– Берегите мою сестру, капитан.

Тревельон кивнул и без всякого выражения пообещал:

– Пока будет биться мое сердце.

И с этими словами капитан, прихрамывая, покинул кабинет.

Глава 2

– Дорогая, просто не верится! – воскликнула леди Гера Ридинг. – Попытка похищения среди бела дня, и не где-нибудь, а на Бонд-стрит. Кто мог бы решиться на подобное?

При этих словах старшей сестры леди Феба лишь слабо улыбнулась.

– Не знаю, только Максимус никуда меня больше не выпускает – даже к тебе в гости. Можно подумать, что опасность грозит мне даже в доме собственной сестры!

– Он тревожится за тебя, дорогая, – раздался чуть хрипловатый голос Артемиды, их невестки. Три женщины были вынуждены собраться на еженедельное чаепитие в Уэйкфилд-хаусе, поскольку Феба оказалась в заточении в городском доме.

– Эта попытка нападения для него просто предлог, чтобы сделать то, чего он давно добивался: окончательно посадить меня под замок.

– О-о, Феба, – мягко произнесла Гера. – Ничего такого Максимус не хочет.

Феба и Гера уселись на диванчик с бархатной обивкой в Ахиллесовой гостиной, которую называли так потому, что на потолке были изображены кентавры, наставлявшие юного Ахиллеса. В детстве эти мифические создания внушали ей страх. У них были такие суровые лики! Теперь же Феба

сомневалась, что помнит это.

Как печально.

Феба обратила лицо к сестре. Как хорошо пахнет фиалкой! Очень успокаивает.

– Ты же знаешь, что с того раза, как я сломала руку, Максимус стал просто невыносим в своем стремлении меня опекать.

Это произошло четырьмя годами ранее, когда Феба еще что-то видела. Она оступилась на крыльце магазина и полетела головой вперед, сильно повредив руку – потом пришлось целый месяц ходить в гипсе.

– Он просто заботится о тебе, – веско произнесла кузина Батильда, устроившаяся напротив Фебы и Геры, рядом с Артемидой.

Феба слышала хриплое дыхание сидевшего у нее на коленях Миньона. Кузина Батильда заменила сестрам мать после смерти их родителей, которые много лет назад, когда Феба была еще совсем крошкой, погибли от рук бандитов в Сент-Джайлзе. Кузина обычно вставала на сторону Максимуса, признавая тем самым его едва ли не патриархальную власть, восставать против которой редко решалась.

Сама же кузина Батильда ни разу не воспрепятствовала Максимусу в его стремлении наложить на нее тяжелую печать своей опеки.

Феба рассеянно поглаживала бархат обивки: в одном направлении – ворс мягкий и пушистый, в другом – погрубее.

– Я знаю, что он обо мне заботится; знаю, что беспокоится, но в результате – моя свобода жестоко ограничена. Даже до вчерашнего инцидента он не разрешал мне ходить ни на вечеринки, ни на ярмарку – вообще никуда, потому что ему всюду мерещится опасность. А теперь и вовсе, боюсь, завернет меня в вату и засунет в дальний угол шкафа для пущей сохранности. Я... просто не знаю, как жить в таких условиях!

Никакими словами не могла она передать растущего в ее душе страха – что, если брат ограничит ее еще больше? Ее руку накрыли, успокаивая, теплые пальцы.

– Дорогая, я знаю, – сказала Гера, – ты очень старалась его слушаться.

– Позволь, я поговорю с ним, – добавила Артемида. – Максимус всегда тверд как камень, когда речь заходит о твоей безопасности, но, возможно, немного смягчится, если я сумею убедить его, что жить как в тюрьме тебе тоскливо.

– По крайней мере мог бы убрать этого типа, что следует за мной точно тень, – вполголоса заметила Феба.

– А вот это крайне маловероятно, – подала голос кузина Батильда. – И кроме того, капитана Тревельона сейчас с нами нет, не так ли?

– Лишь потому, что я в стенах Уэйкфилд-хауса. – Феба тяжело выдохнула. – Я бы нисколько не удивилась, если он торчит где-то за дверью, пока я пью чай. А вы видели Хатуэя и Рида?

– Да, – в замешательстве ответила Гера.

– Они так и стоят возле заднего окна, да? – Феба не ждала ответа, поскольку не сомневалась, что лакеи беспрекословно выполняют приказ и не сводят с нее глаз. – Максимус велел им тоже меня охранять.

Последовало долгое молчание, весьма неловкое, по ее мнению, прежде чем Артемида заговорила.

– Феба... – И затем внезапно перебила себя. – Нет, дорогой, только не чайную чашку. Боюсь, это не для малышей.

Последние слова были обращены к старшему сыну Геры, Уильяму, очаровательному малышу двух с половиной лет, который, судя по душераздирающему воплю, всерьез намерился добраться до чайной чашки.

– Ох, Уильям, – пробормотала расстроенная Гера, когда хныканье возвестило о пробуждении второго сынишки, который дремал у нее на коленях. – Вот разбудил Себастьяна.

– Простите, миледи.

Смарт, няня Уильяма, подошла к хозяйке, чтобы забрать своего подопечного, но Гера ее успокоила:

– Это не ваша вина: просто чайные предметы ужасно соблазнительны.

– Можно? – Феба протянула руки.

– Осторожно, он пускает слюни, – предупредила ее Гера.

– Все малыши такие, – успокоила ее кузина, почувствовав на коленях тяжесть извивающегося тельца племянника, и немедленно обхватила его руками, чтобы не свалился.

Себастьяну было всего три месяца от роду, он еще не умел сидеть, поэтому пришлось держать его вертикально. Ощувив сладкий молочный запах, исходивший от его кожи, она добавила:

– Не слушай маму, кроха: я просто обожаю, когда мужчины пускают слюни.

За свою опрометчивость Феба была вознаграждена радостным гуканьем, а через мгновение крошечные пальчики очутились у нее во рту.

– Ты сама напросилась, – напомнила сестра.

– Позвольте мне забрать Уильяма, миледи, – мягко вмешалась няня.

– Ну что, малыш, не хочешь ли пойти с няней Смарт посмотреть, что там, в саду? – поспешно подхватила Гера. – Можешь взять сахарное печенье.

Когда дверь за ними закрылась, Батильда заметила:

– Мне нравится эта девушка. Очень воспитанная, вроде бы умелая, прекрасно ладит с нашим сладким Билли. Где ты ее нашла?

– Не поверишь, но Смарт нам рекомендовала бывшая экономка леди Маргарет. Очень расторопная и образованная, мне нравится. Сама экономка ни с того ни с сего заявила, что уходит от Марго: полагаю, нашла более выгодное место.

– Еще бы! Что может быть лучше места в доме дочери маркиза? – удивилась Артемида.

– Там дело не в этом! – выпалила кузина Батильда. – Я

слышала, что та девица отправилась к Монтгомери, чтобы вести городской особняк герцога.

– Каким образом ты все это узнаешь? – спросила Гера с изрядной долей огорчения в голосе.

Феба могла ей только посочувствовать: кузина Батильда всегда первой узнавала самые горячие сплетни.

– А что, по-вашему, мы обсуждаем за чаем в кружке седовласых дам? – Пожала плечами кузина Батильда. – Вот, например, только вчера я узнала, что лорда Фезерстоуна видели в обществе леди Оппертайн в Гайд-парке, где они вместе любовались утками в пруду.

– И что же здесь скандального? – Гера была явно озадачена.

– Ничего, если не брать во внимание, что джентльмен был без штанов, – торжествуя произнесла кузина Батильда. – И вообще без белья.

Брови Фебы сами собой поползли на лоб.

– Зато подвязка леди Оппертайн была у него на...

– Может, хотите еще чаю? – поспешила предложить Гера, явно стараясь замять неловкость.

– Пожалуйста, – откликнулась Артемида.

Звякнул фарфор.

Феба самым вульгарным образом почмокала губами, и малыш засмеялся. Как ни щурилась, стараясь хоть что-нибудь рассмотреть, даже голову Себастьяна Феба не смогла увидеть, поэтому спросила у сестры:

– Какого цвета у него волосы?

Повисла пауза. Феба, конечно, не видела, но знала, что все смотрят на нее, и на миг пожелала – пожелала всем существом – стать такой, как все: не быть для семьи причиной тревог или, хуже того, обузой. Чтобы можно было просто взглянуть и, черт возьми, увидеть, как выглядит любимый племянник.

Сейчас это невозможно...

На столе что-то звякнуло.

– Ох, Феба, прости! – ахнула Гера. – Не верится, что я до сих пор не сказала тебе...

– Нет-нет. – Феба покачала головой, стараясь побороть отчаяние, потому что вовсе не хотела, чтобы они испытали чувство вины. – Вам не нужно извиняться, правда. Просто... просто мне захотелось узнать.

Гера глубоко вздохнула: похоже, едва сдерживала рыдания, – и Феба стиснула зубы.

Артемида откашлялась и заговорила – как всегда, тихо и уверенно:

– У него черные волосы. Разумеется, какими они станут, когда Себастьян подрастет, никто не знает, но он точно будет совершенно непохож на нашего сладкого Билли. Глаза у него темно-карие, кожа смуглая, тогда как у брата белоснежная. И мне кажется, у него будет баттеновский нос.

– Только не это! – воскликнула Феба и почувствовала, как ее губы сами собой сложились в улыбку, плечи облегченно

обмякли.

Нос Максимуса был скромной пародией на нос Баттенов. Но если портреты предков действительно передавали жизненное сходство, носы эти иной раз бывали выдающихся размеров.

– Я считаю, крупный нос придает мужчине солидности, – вмешалась кузина Батильда с легкой ноткой неодобрения в голосе. – Даже у твоего капитана нос, можно сказать, немаленький, и, по моему мнению, именно потому у него такой уверенный вид.

– Он совсем не мой, – возмутилась Феба, но все же не удержалась и спросила: – Почему именно нос свидетельствует о каких-то особых качествах мужчины?

– Он довольно привлекателен, – начала кузина Батильда.

Артемида тут же подхватила:

– Ну а нос... чем больше, тем лучше!

– Да, именно! – Положил конец словесному потоку голос Геры.

Все замолчали, чтобы перевести дух, и в наступившей тишине захныкал малыш Себастьян.

– Наверное, проголодался, – предположила Гера, забирая малыша у сестры.

Феба слышала шорох одежды – ребенка прикладывали к груди. В своем желании кормить самой сестра шла наперекор моде, но Феба ей завидовала. Что может быть чудеснее, чем держать в руках маленькое теплое тельце; кормить и ле-

леять собственного ребенка...

Феба опустила голову в надежде, что печаль и тоска не отразились на ее лице. Что правда, то правда: у нее прискорбно мало шансов встретить подходящего джентльмена – даже если предположить, что кто-то вообще захочет взять в жены слепую.

– Так как же на самом деле выглядит капитан Тревелион? – спросила она, пытаясь отвлечься от грустных мыслей.

– Ну-у, – задумчиво начала Гера. – У него вытянутое лицо. Феба рассмеялась.

– Это мне ни о чем не говорит.

– Худощавое, – добавила Артемида. – У него такие глубокие морщины возле рта. Губы довольно тонкие.

– А глаза голубые, – вмешалась кузина Батильда. – Довольно выразительные.

– Скорее пронзительные, – поправила ее Гера. – Да, и еще темные волосы. Думаю, он носил белый парик, когда служил в драгунах, но, выйдя в отставку, уже успел отрастить волосы и теперь заплетает их в довольно тугую косичку.

– И носит только черное, разумеется, – сказала Артемида.

– Вот как? – Феба наморщила нос: надо же, оказывается ее все это время сопровождало живое олицетворение самой смерти.

– Дамский клуб! – вдруг воскликнула кузина Батильда.

– Что с ним? – спросила Артемида.

– Да то, что мы завтра встречаемся.

– Разумеется, – кивнула Гера. – Но разрешит ли Максимус Фебе туда отправиться?

Дамское благотворительное общество, которое помогало приюту обездоленных и брошенных детей, было детищем Геры. Клуб беспризорных, членами которого являлись исключительно дамы – джентльмены не допускались, – был создан, чтобы помогать сиротскому приюту в трущобах Сент-Джайлза. Дамы встречались нерегулярно, однако Феба с нетерпением ждала заседаний клуба, поскольку это была редкая для нее возможность появиться в обществе, когда Максимус не возражал... или, по крайней мере, не возражал до сих пор.

– Он ее не отпустит, – тихо сказала Артемида. – После того, что случилось...

– Да, но мы как раз собирались рассмотреть кандидатуры участниц... – Гера, как могла, старалась не выдать огорчение. – Наверное, придется отложить заседание. Как вы думаете?

– Нет, – твердо сказала Феба. – Мне надоело прятаться и спрашивать, когда и куда я могу пойти.

– Но, дорогая, это может оказаться опасным... – начала Артемида.

– Заседание дамского клуба? – Феба не верила своим ушам. – Мы все знаем, что безопаснее места нет.

– Но это же в Сент-Джайлзе, – напомнила кузина Батиль-

да.

– И все знатные дамы общества привозят с собой самых сильных лакеев. Я буду окружена защитниками, не говоря уж о моем капитане и двух слугах. Не уверена, что Рид вообще понимает, что его нанял Максимус, а вовсе не капитан Тревельон.

– Хорошо хоть ты признала, что он твой капитан, – ехидно заметила Гера, но вмиг стала серьезной, поскольку в другом конце гостиной открылась дверь. – Впрочем, не знаю, как ты сумеешь договориться с Максимусом.

– Я тоже не знаю, но попытаюсь, – объявила Феба. – Я человек, а не певчая канарейка в клетке.

Она почувствовала его присутствие лишь тогда, как услышала за спиной стук его каблуков. Черт! Если бы он пользовался одеколоном, она по крайней мере могла бы понять, что он поблизости.

– Миледи, – услышала она знакомый голос. – Его светлость сообщил мне, что человек, который пытался вас похитить, больше вам не угрожает, однако хотел бы напомнить, что вы пусть и не канарейка в клетке, но и не просто женщина, а драгоценная добыча. И пока есть желающие вас украсть, я всегда буду рядом.

Феба почувствовала, как щеки заливает жаркий румянец. Как только представится возможность остаться с капитаном наедине, она недвусмысленно даст ему понять, каково «добыче» слышать такие слова.

Трепельон наблюдал, как леди Гера уводит из гостиной остальных дам. Минуту ранее, когда они решительно взяли его подопечную в кольцо, он подумал, что не миновать бы ему выволочки, не будь они благовоспитанными леди.

И угроза не миновала, судя по нежному румянцу на щеках леди Фебы. Сегодня на девушке было небесно-голубое платье, а вместо привычной кружевной косынки корсаж украшало тонкое кружево, соблазнительно обрамлявшее и словно обнимавшее округлые груди. Капитан невольно подумал, что холодноватый тон платья делает ее губы похожими на спелые ягоды: мягкие, сладкие и сочные. Как бы ему хотелось впиться в них поцелуем...

Трепельон отвел взгляд, одергивая себя усилием воли.

– Я так рада, что ты сможешь поехать на заседание дамского общества, – пропела леди Гера, звонко чмокнув сестру в щеку, и послала стражу строгий взгляд, прежде чем выплыть из комнаты с гордо поднятой головой.

Трепельон раздраженно вздохнул, и в этот момент песик мисс Пиклвуд принялся вырывать из ее рук, так что даме пришлось наклониться, чтобы спустить его на пол.

– Полагаю, Миньон готова отправиться на дневную прогулку.

– Милашка, – сказала ее светлость с улыбкой, глядя, как крошечная собачка скачет среди дамских юбок. – Велю горничной принести Бон-Бон, и мы к вам присоединимся.

– Отлично, – возвестила мисс Пиклвуд. – Феба, ты тоже идешь?

– Мне, наверное, не мешало бы сделать круг по саду.

На лице девушки играла любезная улыбка, но Тревельон мог бы поклясться, что услышал нотку отчаяния в ее голосе.

И когда она, не сказав ему ни слова, вдруг развернулась и выбежала из гостиной, он укрепился в своем подозрении. Последовав за своей подопечной, он поймал сочувственный взгляд ее светлости; только сочувствие это было ему без надобности.

Гостиная венчала собой парадную лестницу, по которой можно было спуститься на главный этаж Уэйкфилд-хауса. Тревельон пристально наблюдал, как леди Феба преодолевает начищенные до блеска мраморные ступени. Она ни разу не оступилась – впрочем, как всегда, – но он все равно не спускал с нее глаз.

На нижней площадке лестницы леди Феба повернулась и пошла в глубь дома, скользя пальцами по стене. Он заковылял вслед за ней, куда как менее грациозно, стараясь не выпускать из виду колышущиеся ярко-голубые юбки. Она почти добежала до высоких дверей, ведущих в сад, когда он поравнялся с ней.

– Это очень некрасиво, миледи, заставляя бегать инвалида!

Она не обернулась, разве что расправила плечи.

– Боюсь, капитан, что мы, драгоценные добычи, обожаем

вести себя не лучшим образом.

С этими словами Феба распахнула дверь и очутилась на широких гранитных ступенях, спускающихся в сад. Голубой цвет платья на сером фоне гранита и сочная зелень травы зажгли золотистые огоньки в ее светло-каштановых волосах. Она казалась живым воплощением весны, ангельским созданием в своей прелести.

Прекрасно! Если бы она еще не столь решительно пыталась от него убежать.

Капитан ускорил шаг и схватил ее за руку.

– С вашего позволения, миледи.

Трепельон предполагал вспышку раздражения, однако не стал дожидаться и просто положил ее ладонь на сгиб своей левой руки. В траве могли быть кочки; должно быть, Феба сообразила, что будет выглядеть глупо, если шлепнется и расквасит свой надменный нос.

– Вряд ли вас можно назвать инвалидом, – заявила она резко.

Сжав губы, Трепельон повел леди вниз по ступеням.

– Не знаю, миледи, как еще назвать того, кто не способен стоять, не опираясь на трость.

Она фыркнула в ответ.

– Что ж, можете считать себя инвалидом – хоть я и убеждена, что это не так, но требую меня называть как угодно, только не добычей.

– Прошу прощения, если невольно оскорбил вас, миледи.

– В самом деле?

Он сдержал тяжелый вздох.

– Странно, что мои вполне обоснованные замечания показались вам оскорбительными, миледи.

– Право же, капитан, теперь я понимаю, отчего вы до сих пор не женаты.

– Серьезно?

– Да кому захочется, чтобы его считали добычей, особенно женщине.

Вероятно, разумнее сейчас отступить.

– Возможно, мое суждение показалось вам слишком категоричным, однако вы должны понимать, миледи, что исключительно дороги своему семейству.

– Должна? – Феба остановилась, заставив остановиться и капитана, поскольку он не хотел ее отпускать. – Отчего же? Родные любят меня – и я плачу им тем же, – но должна признаться, что испытываю дурноту, когда слышу, как меня называют вещью, пусть и драгоценной.

Тревелион с удивлением взглянул на нее.

– Многие мужчины видят в вас драгоценную добычу. Вы сестра герцога, наследница...

– И вы тоже? – перебила его Феба.

Он смотрел на нее, такую хорошенькую, страстную, способную свести с ума. Разумеется, для него она далеко не добыча: не будь слепой, увидела бы это давным-давно.

Он слишком замешкался с ответом, и, сложив руки на

груди, леди раздраженно усмехнулась:

– Так что же, капитан Тревельон?

– Мой долг – охранять вас, миледи.

– Я спрашивала не об этом, капитан! Для вас я тоже просто ценный объект? Шкатулка с драгоценностями, которую нужно беречь от воров?

– Нет, – ответил он со всей серьезностью.

– Это радует.

Она положила ладонь на его руку, и ее прикосновение было как раскаленное клеймо на его коже, невзирая на слои ткани, которые их разделяли. Однажды он не выдержит, и когда это произойдет, она увидит, что он не каменный.

Ни в коем случае.

Но это случится не сегодня.

За последней ступенькой была травянистая лужайка, а за ней – сад леди Фебы, лабиринт выложенных гравием аккуратных дорожек, петляющих среди причудливых клумб с цветущими растениями. Тревельон никогда не видел подобных садов. Во-первых, тут росли исключительно белые цветы: розы, лилии, ромашки всех сортов и десятки других растений, названий которых он не знал, потому что никогда не интересовался ботаникой. Вторую особенность этого сада можно было заметить, только подойдя поближе: висевшее в воздухе густое благоухание. Тревельон никогда не спрашивал, но и без того было ясно, что каждый цветок, растущий в этом саду, источал собственный аромат. Каждому, кто вхо-

дил в этот сад, могло бы показаться, что он вступает в будуар феи. В цветах лениво жужжали пчелы, а напоенный сладкими ароматами ветерок кружил голову.

Обернувшись, Тревельон заметил, как леди Феба буквально на глазах успокаивается: плечи расслабились, кулаки разжались, на сочных губах заиграла улыбка. Она подставила лицо ветерку, и он затаил дыхание. Здесь, в саду, наедине с леди Фебой, он мог смотреть на нее сколько душе угодно, ласкать взглядом нежный изгиб шеи, упрямый разлет бровей, влажные, полураскрытые губы.

Капитан отвел взгляд, язвительно усмехнувшись собственной слабости. Девушка была прямой ему противоположностью: молода, невинна, полна жизни. В ее жилах текла голубая кровь, наследие многих поколений аристократов. А он далеко не молод, бывший солдат, циник и скептик, и кровь у него самая обычная, красная.

– Кто он? – ворвался в его мысли ее голос.

Ему пришлось прочистить горло, прежде чем ответить.

– Вы о чем, миледи?

– Как вы недогадливы! Разумеется, о том, кто за мной охотится. – Ее выразительное лицо сложилось в гримасу. – Кто он?

– А-а... – Под ногами хрустнул гравий – они ступили на садовую дорожку. – Очевидно, это был сосед вашего брата из Ланкашира, некто Мейвуд.

При этих словах она остановилась, обернулась к нему и

сделала большие глаза.

– Лорд Мейвуд? Правда? Но он же старый – лет шестьдесят, не меньше. Что ему от меня могло понадобиться?

– Его светлость не знает наверняка, – задумчиво ответил Тревельон. После сегодняшнего разговора с герцогом многие вопросы так и остались без ответа, и ему было тревожно. – Возможно, лорд Мейвуд хотел заставить вас выйти за его сына.

Феба задумалась, нахмурившись, и ему показалось, что ее глаза прикованы к пистолетам, притороченным к ремням на его теле.

– Но лорд Мейвуд виновен? Нашли доказательства его преступления?

– Не совсем. – Тревельон помолчал. – На прошлой неделе лорд Мейвуд прислал вашему брату письмо с угрозами, а один из тех, кого я застрелил, оказался уроженцем Ланкашира.

Ее темные брови сошлись на переносице.

– Что сказал лорд Мейвуд, когда его призвали к ответу?

– Ничего, миледи, – признался капитан. – Он неожиданно умер сегодня утром от апоплексического удара.

– Ох... – Феба растерянно заморгала, осторожно перебирая в пальцах лепестки розы, словно это могло ее успокоить. – Мне так жаль.

– А мне нет, – жестко сказал Тревельон. – Если это означает, что вы теперь в безопасности.

Она ничего не ответила, и они продолжили прогулку.

– Итак, Максимус полагает, что с этим делом покончено.

– Да, миледи.

Герцог, казалось, обрадовался, что дело уладилось столь простым образом, но Тревельон радовался бы куда больше, если бы лорд Мейвуд признал свою причастность к преступлению. Он пытался убедить хозяина, что расследование следует продолжить, дабы выявить, не стоит ли за этим кто-то другой, но Уэйкфилд был убежден, что дело можно закрыть.

В отсутствие признания Мейвуда в голову Тревельона по-прежнему закрадывались сомнения, но он не делился ими с леди Фебой: не стоило тревожить ее, не имея особых оснований. Кроме того, он всегда был начеку, как и прежде.

– Ага, а вот здесь образовалась завязь, – пробормотала Феба, теребя в пальцах цветков, с которого осыпались почти все лепестки. – Нет ли у вас корзинки?

Его брови поползли вверх. Откуда у него корзинка, зачем она ему?

– Нет, миледи.

– Как недальновидно с вашей стороны, капитан, – все так же вполголоса отозвалась она и, достав из маленькой сумочки на поясе ножнички, срезала увядший цветок и протянула ему. – Держите.

Тревельон взял цветок и сунул в карман, за неимением того, куда его выбросить.

– Не видно ли других, которые тоже нужно срезать? –

спросила она его, в то время как рука порхала над цветами.

– Есть еще один. – Он поймал ее пальцы, прохладные и такие хрупкие в его большой ладони, и коснулся ими осыпавшейся розы.

– Ах, благодарю вас.

Он наклонил руку.

– Разве у вас нет садовника для подобной работы?

– Есть. – Она срезала головку цветка, и опять отдала ему, он вынужден был отправить и ее в карман. – Но зачем дожидаться?

Ее рука деловито принялась ощупывать розы.

– Ведь это нелегко, миледи.

Она рассмеялась, и этот смех вызвал в нем странное беспокойство, отдаваясь где-то в позвоночнике.

– Вы решительно ничего не смыслите в садоводстве, капитан Тревельон.

Она не стала вдаваться в объяснения, вновь принимаясь за работу, и его поразило, насколько ей было легко здесь, среди цветов, каким радостным, открытым было ее лицо.

– Жаль, что сегодня пасмурно, – рассеянно проговорила Феба.

Он не произнес ни звука, но она, должно быть что-то почувствовав, медленно выпрямилась и подняла к нему лицо – такое юное! – сжимая в руке ножницы.

– Капитан?

Раньше он не понимал, что имеется в виду, когда кто-то

говорит, что у него разбито сердце, а теперь понял.

Спокойно. Он никогда не лгал ей раньше и не собирался и начинать.

– Сегодня солнечно.

Вокруг все было черно, хотя капитан Тревельон и сказал ей, что светит солнце.

Феба предполагала, что этот день наступит. Ее зрение неизменно продолжало ухудшаться год за годом. Только полный идиот не понял бы, к чему все идет.

Вот только... одно дело – понимать это умом, и совсем другое – принять. А оно, глупое, явно питало надежду на чудо.

От этой мысли она даже рассмеялась, только смех был скорее похож на плач.

И опять пришел на помощь он, ее верный капитан, суровый и лишенный чувства юмора, но неизменно оказывавшийся рядом.

– Миледи? – Тревельон взял ее руку в свою большую теплую ладонь и обнял за плечи, словно она могла упасть.

И было отчего.

– Как глупо, – сказала леди Феба и провела по лицу дрожащей ладошкой, потому что все-таки заплакала. – Развела сырость.

– Идемте. Вам нужно сесть.

Позволив опереться на свое надежное плечо, он подвел ее

к каменной скамье и усадил. Она покачала головой.

– Простите.

– Не надо извиняться, хрипло проговорил капитан.

Она судорожно вздохнула, догадавшись, что он потрясен не меньше ее самой.

– Хотите знать, почему у меня только белые цветы?

Он если и был обескуражен, то никак этого не показал, просто ответив:

– Да.

– Три года назад, когда я только начала сажать свой сад, мое слабеющее зрение лучше всего различало белый цвет, – сказала Феба. – И, разумеется, еще потому, что белые цветы обычно пахнут сильнее других.

Он ничего не ответил: только крепче сжал ее плечи, – и она даже обрадовалась, что сейчас с ней именно капитан. Будь рядом Гера, Максимус или кузина Батильда, и ей пришлось бы сочувствовать их страданию – страданию из-за ее потери, – а капитан Тревельон просто давал ей ощущение своего надежного присутствия. Не станет же он рыдать от жалости к ней или придумывать слова утешения.

И это было по меньшей мере приятно.

– Это глупо, – продолжала Феба, – оплакивать неизбежное. Я знала, что лекарства нет, и сама настояла, чтобы Максимус прогнал всех этих докторов и чудотворцев. Я знала...

Она с трудом сдерживала рвавшиеся из груди рыдания и, закрыв ладонями рот, судорожно хватала воздух, дрожа всем

телом.

Он погладил ее по волосам, привлек голову к себе на грудь, чтобы она могла вволю выплакаться, заливая слезами его рубашку. Один из его пистолетов больно врезался ей в щеку, но сейчас было не до этого. Феба плакала, пока мокрое лицо не стало красным, нос не забился, а в глаза словно насыпали песок. Потом, немного успокоившись, она слушала, как бьется его сердце, ровно и громко.

– Немного похоже на смерть, – прошептала она скорее самой себе. – Все мы знаем, что когда-нибудь умрем, но по-настоящему не верим.

На миг рука, по-прежнему лежавшая у нее на голове, болезненно напряглась, затем исчезла, переместившись на плечи.

– Вам рано говорить о смерти, миледи.

– Разве? – Она подняла к нему лицо. – Разве вот это не маленькая смерть? Я не вижу света. Я вообще ничего не вижу.

– Мне жаль, – сказал капитан Тревельон, и его голос был, словно гравий, шуршащий и скрипучий, но тем не менее подействовал успокаивающе. – Мне очень жаль.

Кажется, он действительно ей сочувствует.

Она нахмурилась, уже хотела было что-то спросить, но услышала, как открылась дверь дома.

– О-о боже! Кто там?

– Пауэрс. Идет сюда, чтобы увести вас, – ответил Тревельон.

Феба поспешно выпрямилась, обхватила ладонями голову, пытаясь привести в порядок волосы. Должно быть, у нее ужасный вид!

– Как я выгляжу?

– Как будто только что плакали.

Его невозмутимый ответ, как ни странно, вызвал у нее смехок.

– Знаю, что похожа на страшилище, но вы могли по крайней мере, солгать.

– Вы действительно хотите, чтобы я вам лгал? – спросил он устало.

Она нахмурилась, собираясь с ответом, и тут раздался голос Пауэрс, совсем близко.

– Миледи, пришла портниха.

– Черт! – пробормотала Феба. – Нам придется вернуться в дом.

– Конечно, миледи, – как всегда, невозмутимо сказал капитан.

Тем не менее она сжала его плечо, когда он вел ее к дому, и тихо сказала:

– Благодарю вас, капитан.

– За что, миледи?

– За то, что разрешили намочить вашу рубашку соленой водой. – Она улыбнулась, хотя это было труднее обычного. – За то, что не говорили банальности. И вы совершенно правы: я не хочу, чтобы вы мне лгали.

– Значит, я буду стараться говорить вам только правду.

Это было сказано очень почтительно, и все же она вздрогнула. Ей вдруг вспомнилось, что говорили о нем ее кузины: привлекательный, уверенный в себе. Странно, она никогда не думала о Тревельоне как о мужчине, который может нравиться. Он просто был рядом. Высокая фигура справа: на балу ли, на вечеринке – защита, через которую к ней не пробиться.

«Это не совсем справедливо», – виновато корила она себя, взбираясь на каменные ступени. Очень хорошо, что Тревельон был рядом, когда она расклеилась. Он повел себя как друг. Прежде она ни разу не подумала о своем телохранителе как о друге, и если она ошибалась настолько...

Прекрасно!

Глава 3

На следующий день, ближе к полудню, Феба стояла в парадном холле Уэйкфилд-хауса. Вручив Пауэрс записку и небольшой кошелек с монетами, девушка сказала:

– Предупреждаю, вы должны отдать это мистеру Хейнсу-орту лично в руки, это важно.

– Да, миледи, – ответила Пауэрс звонким голосом.

Несмотря на неумеренное употребление духов с ароматом пачули, которому служанка излишне благоволила, от нее приятно пахло.

– Спасибо, Пауэрс, – сказала Феба, заслышав приближение капитана Тревельона, которого узнала по неровной поступи на лестнице.

– Миледи, вы по-прежнему намерены присутствовать на заседании дамского клуба? – спросил он своим хриплым голосом, в котором она уловила скептические нотки.

– Да, разумеется, и не пытайтесь меня отговорить – Максимум дал свое благословение.

Это было почти правдой: брат милостиво разрешил ей выезжать, – но она не стала сообщать ему, куда именно едет, а капитану знать об этом вовсе не обязательно.

Кажется, она услышала мужской вздох?

– Очень хорошо, миледи.

Теплые сильные пальцы взяли ее руку и опустили на муж-

ской рукав. Забавно. Не будь она слепой, подобное прикосновение – обнаженная кожа рук, не прикрытая перчатками, – сочли бы скандальным. Да что говорить – то, что мужчина в самом расцвете сил следует за ней повсюду, иногда без других сопровождающих, и так верх неприличия! Однако, кажется, пока никому не пришло в голову упрекнуть в чем-нибудь капитана Тревельона, который вечно маячил у нее за спиной.

Слепота сделалась ее оправданием в глазах света.

Феба тяжело вздохнула, выходя на улицу. Должно быть, день был солнечный – она чувствовала тепло кожей.

– Миледи? – Услышала она голос капитана у себя над ухом.

– Ничего, капитан, – сказала она с едва уловимой досадой. Без сомнения, он тоже считал ее скорее ходячей куклой, чем женщиной из плоти и крови.

– Если вас что-то беспокоит...

– Иногда я задаюсь вопросом: что, если просто посадить меня в инвалидную коляску? – пробормотала Феба, спускаясь по ступенькам.

– Доброго вам утра, сэр, миледи, – поприветствовал их Рид.

– Рид, вместе с Хатуэем встаньте на запятках кареты, – распорядился Тревельон.

– Да, сэр.

– Неужели необходимо брать с собой еще и двух лакеев? –

тихо спросила Феба.

– Полагаю, что да, миледи. Осторожно, лесенка.

Она вытянула носок, нащупав первую ступеньку, забралась в карету, уселась и расправила юбки.

– В клуб допускаются только дамы.

Послышался шорох – это Тревельон устроился напротив. Несмотря на трость, он производил в движении гораздо меньше шума, чем другие. И это было очень досадно.

– Дамы собираются в Сент-Джайлзе, миледи, одном из самых опасных районов Лондона.

– Но сейчас самый разгар дня.

– На Бонд-стрит на вас пытались напасть как раз в это время. – Голос капитана звучал ровно и уверенно, и Феба задумалась, найдется ли хоть что-нибудь, что выведет Тревельона из этого состояния спокойного безразличия. – Иногда мне кажется, что вам просто нравится спорить, миледи.

Она поджала губы.

– Но не с каждым же встречным, как вы понимаете: только с вами.

Ей показалось, что он усмехнулся, но тут загрохотали колеса – карета тронулась в путь.

– Я воистину польщен, миледи.

– Так вам и надо. – Она с трудом сдерживалась, чтобы не улыбаться. Феба была счастлива, если удавалось втянуть сурового капитана в шуточный спор. – Лучше скажите мне вот что. Я заметила, что вы относитесь к Риду как к старшему

среди прочих лакеев. Почему же?

– Здесь все просто, миледи: Рид служил драгуном в моем полку. Когда он был демобилизован, я рекомендовал его вашему брату как человека порядочного, преданного и трудолюбивого. Его светлость был так добр, что прислушался к моим рекомендациям и взял его на работу.

– Он долго прослужил драгуном под вашим началом?

– С первого дня, как поступил на военную службу. Пять лет, насколько я помню.

– А сколько лет отслужили вы сами?

Он молчал, и Феба подумала – уже не в первый раз, – как плохо не видеть лица того, с кем разговариваешь. Ведь достаточно бросить взгляд, чтобы понять, удивлен человек, оскорблен или опечален.

– Почти двенадцать лет, миледи, – сказал наконец Тревелион.

Голос его звучал бесстрастно, и Феба поняла лишь одно: полное отсутствие эмоций не означает отсутствие чувств.

Она склонила голову набок, размышляя, потом спросила:

– Вам нравилась служба?

– Миледи?

О-о, кажется, капитан насторожился, пусть и самую малость? Это уже интересно! Почему она никогда раньше не задавала ему подобных вопросов?

– Служить драгуном, командовать людьми – ведь вы были капитаном, и у вас под командованием было много людей...

– В моем распоряжении было от двадцати до пятидесяти человек, в зависимости от выполняемой задачи.

А теперь он вынужден возиться с ней одной. Вдруг она осознала, как низко, по его представлениям, он пал в этой жизни!

Капитан, однако, продолжил:

– Я выполнял приказы моего короля.

На мгновение она решила, что больше он ничего не скажет о своих военных буднях, но он немного смягчился:

– Много лет мы охотились на контрабандистов по всему побережью, но потом мой полк перебросили в Лондон, чтобы выслеживать и ловить тех, кто занимался контрабандой джина, и прочих злоумышленников.

– Правда? – Феба нахмурилась, вдруг осознав, как мало знает об этом человеке. Боже правый! Она провела полгода, день за днем, в обществе капитана Тревельона, но не задала ни единого вопроса о его прошлом. Ей вдруг стало очень стыдно, и она немного подалась вперед, намереваясь заглядывать вину. – Очень своеобразный район для патрулирования.

– Да, – ответил он сухо, – но потом мы получили особый приказ – от одного из важных членов парламента.

– От... не от моего же брата?

– Именно от него, миледи.

– Значит, вы давно знаете Максимуса?

– Мы с его светлостью знакомы больше четырех лет.

– Я и не знала, что вы... друзья.

Заминка была недолгой, но красноречивой.

– Я бы не назвал так... наши отношения, миледи.

– Как? Дружбой? – уточнила Феба. – Уверяю, капитан, что не стала бы думать о вас хуже, поддайся вы такой слабости, как дружба.

– Миледи, ваш брат – герцог.

– Да, но он сморкается и справляет другие физиологические потребности, как все прочие люди.

– А я всего лишь бывший драгун из... – продолжил было капитан, но внезапно замолчал.

Феба наклонилась вперед, стгорая от любопытства.

– Откуда же, капитан?

– Из Корнуолла, миледи. Но я вижу, что мы уже подъехали к приюту.

В этот момент карета, содрогнувшись всем корпусом, остановилась.

– Не думайте, что наш разговор окончен, – любезно сказала Феба, прежде чем покинуть карету. – У меня к вам много вопросов, капитан Тревельон!

Когда дверца кареты распахнулась, она услышала беспомощный вздох своего защитника и улыбнулась. Ей очень нравилось смущать этого стойка, драгунского капитана, однако она невольно задумалась: откуда эта заминка после вопроса о происхождении?

На первый взгляд детский приют был слишком неказист, чтобы послужить пропуском в высшее общество. Эва Динвуди вышла из кареты с помощью лакея, Жана-Мари Пепина, и оглядела улицу.

Дом стоял в самом сердце квартала Сент-Джайлз, в переулке, слишком узком, чтобы могли разъехаться две кареты: им пришлось останавливаться в дальнем конце переулка. Даже при свете дня крайняя нищета нависала над кварталом как мрачное облако. Попрошайка в лохмотьях, такой убогий, что было невозможно определить, мужчина это или женщина, сидел на углу, тяжело привалившись к стене. На другой стороне улицы шла, шаркая ногами, женщина с опущенной головой и спиной, сгорбленной под тяжестью огромной корзины с крышкой, в то время как одинокий ребенок, практически голый, стоял и с любопытством пялился на роскошную карету.

«Бедному мальчишке мы, наверное, кажемся богами, спустившимися с Олимпа», – с жалостью подумала Эва, поспешно сунула руку в карман, нащупала сумочку, спрятанную под юбкой, извлекла один пенсовик и протянула голому ребенку. Тот бросился к ней, выхватил монету и был таков.

Здание было новым, основательным, сложенным из кирпича, с широкой парадной лестницей. Тем не менее, судя по немногочисленным архитектурным деталям, обычно украшавшим благотворительные дома, это явно было рабочее заведение. Однако именно здесь собирался дамский клуб,

куда входили даже весьма влиятельные дамы из высшего общества.

И среди них ее покровительница.

Обернувшись, Эва увидела, как из кареты выходит Амелия Хантингтон, баронесса Кэр. Пожилая леди готовилась разменять седьмой десяток, однако ее лицо почти не тронули морщины. Кажется, единственной приметой возраста были белые как снег волосы, хотя Эва слышала, что волосы у баронессы, как и у ее сына, поседели еще в молодости, а значит, вовсе не от старости. На леди было элегантное темно-синее платье – в точности под цвет глаз, – отделанное черным кружевом на рукавах, по квадратному вырезу и вдоль корсажа.

– Они тут живут, как крысы, – вполголоса и не без сострадания заметила леди Кэр, оглядываясь вокруг. – Вот почему я всегда беру с собой отряд дюжих лакеев. Было мудро с вашей стороны прихватить собственного. – Леди задумчиво взглянула на Жана-Мари. – У него очень экзотический вид.

Черная лоснящаяся кожа гиганта, в сочетании с белым париком и белой с серебром ливреей обеспечивало лакею вид просто сногшибательный.

– Я больше не нахожу его таковым. – Эва не дала себе труда поправить леди Кэр в ее предположении, будто Жан-Мари ее лакей. Поравнявшись с пожилой дамой, она вместе с ней направилась по Мейден-лейн к дому. – Должна вас поблагодарить – вы были очень добры, согласившись представить меня дамам из клуба!

– Не стоит: я тоже была рада, – холодно протянула леди Кэр без улыбки, словно хотела напомнить, что просто была вынуждена привезти Эву на сегодняшнее заседание.

И ее подопечной не следовало об этом забывать. Здесь у нее не было друзей, да и не могло быть. Она изобразила скромную учтивую улыбку, и обе дамы стали подниматься по широким ступеням. Конец переулка уже запрудили кареты, что говорило о прибытии остальных участниц заседания клуба.

Когда перед ними распахнулись двери приюта, Эва сделала глубокий вдох и разгладила юбки цвета оперения голубя-сизаря. Скромная вышивка в виде черных и вишнево-розовых цветочков украшала плечи, низ рукавов, корсаж и подол широкой верхней юбки, прикрывавшей кремового цвета юбки – простые и элегантные. Несмотря на совершенно обыкновенную внешность – в общепринятом смысле этого слова, – одета она была по последней моде. В дверях стоял почтительного вида дворецкий, что было весьма необычно для дома призрения, но Изабел Мейкпис, жена управляющего, и до второго замужества была весьма богатой вдовушкой.

– Доброго дня, миледи, мисс, – приветствовал дам дворецкий, делая шаг в сторону.

Сидевший у его ног черный кот всем своим видом показывал, что тоже рад гостям, но ровно до тех пор, пока в глубине дома внезапно не возник лающий вихрь. Маленькая белая собачонка, щелкая оскаленными зубами, бросилась пря-

мо на них. Эва не удержалась на ногах и, если бы не дворецкий, растянулась бы на полу. Жан-Мари загородил ее собой, подхватил гадкое создание и прижал к груди. Собака сразу же притихла и лизнула его в подбородок.

– Вы уж его простите! – воскликнул дворецкий. – Право же, Додо только лает громко, зато никогда не кусается, уверяю вас!

– Не стоит беспокоиться, – пролепетала Эва, отчаянно пытаясь унять дрожь в голосе. – Я просто испугалась. – Разгладив юбки, она незаметно кивнула Жану-Мари, который продолжал крепко держать ужасное создание.

Леди Кэр наблюдала сцену, не произнося ни слова, потом заговорила:

– Баттермен, я полагаю, мы собираемся в гостиной?

– Разумеется, миледи, – кивнул дворецкий, принимая у леди перчатки и шляпу. – А слуги могут с удобством расположиться у нас на кухне.

Бросив взгляд на Эву, Жан-Мари по ее кивку направился вслед за лакеями в дом, не выпуская из рук вырывающегося песика.

Коридор вел в приемную, выдержанный в успокаивающих кремовых тонах, и там начиналась широкая лестница. Однако Эва и леди Кэр вошли в первую дверь справа, за которой находилась гостиная, где уже собрались дамы, члены дамского клуба. В углу комнаты имелся камин, сейчас пустой, и повсюду стояли небольшие диванчики и стулья с по-

душками. Центр гостиной занимал невысокий чайный столик, уставленный приборами, а примерно дюжина девочек с важным видом, под бдительным присмотром светловолосой горничной, предлагали дамам закуски.

– Очень рада видеть вас, миледи! – Стройная дама с роскошными рыжими волосами с раскрытыми объятиями бросилась им навстречу, и они с леди Кэр обменялись вежливыми поцелуями в щеку.

Пожилая дама обернулась, и Эва с облегчением увидела, что она заулыбалась.

– Гера, позвольте представить вам мисс Эву Динвуди. Мисс Динвуди, это леди Гера Ридинг.

– Для меня это большая честь, миледи. – Эва низко присела в реверансе, а пока леди Гера говорила что-то в знак приветствия, мысленно покопалась в своих досье.

Итак, Ридинг, Гера: старшая сестра герцога Уэйкфилда; супруга лорда Гриффина Ридинга. Это леди Гера вместе с леди Кэр основали дамский клуб. Важная знатная дама, знакомство с которой дорогого стоит.

Впрочем, они тут все такие.

Эва собралась с духом, когда леди Кэр повлекла ее в глубь комнаты, чтобы познакомить со всеми. В конце концов, для чего еще она сюда явилась? Среди прочих дам познакомиться с одной очень нужной особой. И неважно, что Эва терпеть не могла подобные сборища и чувствовала себя там не в своей тарелке: долг она выполнит.

Эва опять изобразила любезную улыбку, когда леди Кэр подвела ее к даме, стоявшей возле камина, и представила. Та оказалась ее невесткой, Темперанс Хантингтон, баронессой Кэр-младшей. Это была миловидная темноволосая леди с такими светло-кариими глазами, что они казались золотистыми. Нельзя было сказать наверняка – и Эва, разумеется, ни за что не стала бы спрашивать, – но леди Кэр, похоже, ожидала ребенка.

Рядом с ней стояла Изабел Мейкпис, которая управляла приютом вместе с супругом, Уинтером Мейкписом. Из своих мысленных досье Эва знала, что миссис Мейкпис, в отличие от супруга, происходила из высших слоев общества. Несмотря на низкий статус смотрительницы сиротского приюта, на миссис Мейкпис было элегантное платье, скроенное по французской моде, в алую и желтую полоски. Обе дамы приветливо кивнули Эве, хоть она и отметила искру любопытства в их глазах: старшая леди Кэр не стала объяснять, откуда ее знает.

Герцогиня Уэйкфилд встала и произнесла:

– Рада познакомиться, мисс Динвуди.

Эва присела в реверансе.

На первый взгляд герцогиня производила впечатление ничем не примечательной, однако ее прекрасные серые глаза все меняли. Их взгляд был столь пронизателен, что Эва не могла в них не смотреть, пока произносила положенные приветствия.

– Боюсь, вы не сможете познакомиться с ее светлостью, герцогиней Скарборо: сейчас она вроде бы путешествует с мужем по Европе, – сообщила леди Кэр, подводя Эву к последнему дивану. – Италия, знаете ли.

Эва не знала, поскольку никогда не бывала в Италии и не путешествовала ради развлечения, однако понимающе кивнула. Потом ее представили смуглой красавице экзотической внешности. Это была леди Ипполита Ройл, о которой судачили, будто она является самой богатой наследницей в Англии – теперь, после того как бывшая леди Пенелопа Чедвик вышла за герцога Скарборо. Мисс Ройл поднялась с дивана и присела в реверансе, зато ее собеседница так и осталась сидеть.

– А это леди Феба Баттен, сестра леди Геры, с которой вы уже знакомы, и, разумеется, герцога Уэйкфилда, – журчал голос леди Кэр, а Эву словно в сердце ударили.

– Очень рада с вами познакомиться, – сказала леди Феба, поворачиваясь к хорошенькой миниатюрной женщине с приветливым лицом. – Надеюсь, вы не обидитесь, если я останусь сидеть: боюсь, в незнакомой комнате обязательно споткнусь и упаду.

– Прошу вас, миледи, не беспокойтесь на этот счет. Если...

Ее слова потонули в шуме, источник которого был где-то в дверях. В гостиную впорхнула дама в платье чудесного персикового цвета, с кудрявыми волосами, живо рассыпан-

ными по плечам, и ребенком на руках.

Новая гостья воскликнула, явно запыхавшись:

– Ах ты, боже мой! Простите, что опоздала.

Герцогиня Уэйкфилд едва не завопила:

– Марго, неужели это малышка София?

«Это леди Маргарет Сент-Джон», – подсказала Эве запись в ее мысленном досье.

Дама мило покраснела.

– Да. Надеюсь, никто не станет возражать, что я принесла ее сюда?

Судя по всеобщей суматохе, которая поднялась, когда дамы бросились к леди Маргарет с малышкой, возражать никто не собирался. Вокруг них столпились все за исключением Эвы и леди Фебы.

Повернувшись к гостье, Эва тихо спросила:

– Не возражаете, если я подсяду к вам? Похоже, мне не стоило сегодня выходить на этих каблуках.

– Конечно, прошу вас. – Феба похлопала по сиденью рядом с собой, которое только что покинула мисс Ройл.

На другом конце комнаты графиня Кэр быстро обернулась и бросила на нее пристальный взгляд, но Эва сделала вид, что не заметила, и прошебетала садясь:

– Благодарю вас. Тщеславие меня погубит. Я купила эти туфли только на прошлой неделе, для выхода в театр.

Феба повернулась к ней лицом.

– Куда именно?

– Давали «Гамлета» в «Ковент-Гардене». – Эва покачала головой. – Актер был староват – да еще с брюшком, – но вот голос у него зато волшебный.

– Голос – это все, что я способна воспринимать, – со вздохом сказала Феба. – Мне нравятся голоса, способные передавать оттенки чувств, а не просто громкие.

– Да, и мне тоже! Вы слышали Горация Пимсли?

– О да! – воскликнула Феба. – Из него получился прекрасный Макбет – по крайней мере что касается голоса. Мне, правда, не очень нравятся трагедии, но вот голос его я могла бы слушать целый вечер.

Беседа доставляла ей истинное удовольствие, но ведь она здесь с определенной целью.

– Возможно, миледи, вам было бы интересно...

Несколько дам, столпившихся вокруг молодой матери с ребенком, громко рассмеялись, и голос Эвы потонул в этом гвалте. Феба наклонилась к ней поближе.

– Вы не могли бы описать, как выглядит малышка София?

– Трудно сказать: отсюда плохо видно. – Пожала плечами Эва. – Кроме того, их окружает целая толпа. Все, что я вижу, – это пушок, который выбивается из-под чепчика. Кажется, у нее светло-каштановые волосики. – Она взглянула на собеседницу. – Почти как у вас, миледи.

– Правда? – Феба погладила свои волосы, будто так могла ощутить их цвет. – Я почти забыла.

Маргарет с малышкой на руках в сопровождении других

дам подошла к ним.

– Не хочешь ее подержать, Феба?

Лицо девушки просияло.

– Можно? Только прошу, Марго, сядь рядом: боюсь ее уронить.

– Не бойся, не уронишь, – твердо сказала леди Маргарет, присела на диванчик и осторожно передала ребенка ей на руки.

– Она такая серьезная, – шепнула леди Гера.

– Правда? – Леди Маргарет разглядывала дочь, как будто это неизвестное насекомое, найденное под листом цветка. – Она хмурится, прямо как Годрик. Похоже, через пару лет из-за стола на меня будут взирать две недовольные моськи.

– Как он? – поинтересовалась леди Кэр-младшая.

– Совершенно одержим своей новорожденной, – ответила леди Маргарет. – Как-то ночью я застукала его в коридоре: ходил взад-вперед с Софией в одной руке и книгой – в другой. Он ей читал, по-гречески. Но что самое удивительное – она, кажется, слушала как замороженная.

– Могу понять почему. – Феба поднесла малышку к самому лицу, закрыла глаза и ласково коснулась носом ее щечки. – Какое же она чудо!

Наблюдая за ней, Эва проглотила ком в горле.

– Мы, кажется, незнакомы, – вдруг сказала леди Маргарет. – Нет, не вставляйте! Я Маргарет Сент-Джон.

– Это мое упущение, – виновато заметила леди Кэр;

и улыбка ее погасла. – Познакомьтесь с Эвой Динвуди. Она хотела бы вступить в наш клуб.

– В таком случае, полагаю, нам лучше начать, – весело проговорила леди Маргарет и протянула руки к дочери. – Иди ко мне, малышка.

Одна из девочек, рыжеволосая, с впечатляющей россыпью веснушек на носу, внесла блюдо криво нарезанных ломтей хлеба с маслом, и дамы стали усаживаться.

– Спасибо... – поблагодарила девочку Феба и взяла с блюда один кусок.

– Ханна, мэм.

Девочка попыталась сделать реверанс, не выпуская блюда из рук, и Эва едва успела подхватить его, чтобы не уронила. Казалось, Феба была поражена:

– Не Мэри?

– Когда я сюда поступила, у меня уже было имя, мэм.

– И притом красивое, – серьезно добавила Феба. – Очень вкусный хлеб, Ханна.

Девочка покраснела, и леди улыбнулась ей, а Эва почувствовала болезненный укол в сердце. Она такая милая! Может быть, еще не поздно...

Феба обернулась к ней, все еще улыбаясь.

– Видите ли, всех этих девочек здесь зовут Мэри, а мальчиков – Джозефами. Разве что они уже достаточно взрослые, чтобы успеть получить имя, как Ханна. Ужасная путаница, даже если давать второе имя. Не знаю, кому принадлежит

эта идея...

– Уинтеру, – в один голос воскликнули леди Кэр-младшая и миссис Мейкпис.

– Он решил, что так будет больше порядка, – продолжила леди Кэр, а миссис Мейкпис просто фыркнула.

Улыбнувшись, леди Феба снова обратилась к Эве:

– Вы что-то говорили, мисс Динвуди, как раз перед тем, как сюда принесли Софию...

– Да, миледи. – Эва сделала глубокий вдох. – Завтра днем у меня собираются любители театра, всего несколько человек, чтобы обсудить новейшие постановки. Вы окажете мне честь, если почтите нас своим присутствием.

– Буду очень рада, – улыбнулась Феба и сунула в рот последние крошки.

– Милые дамы, – начала леди Кэр, вставая, – нам надо решить некоторые проблемы...

Краем глаза Эва наблюдала за своей покровительницей, но слушала вполуха.

Как бы там ни было, но она уже добилась того, зачем пришла.

На следующий день Тревельон еще раз внимательно изучил письмо – уголком рта усмехнувшись при виде детского почерка, – прежде чем аккуратно сложить, потом подошел к комоду у дальней стены своей комнаты в Уэйкфилд-хаусе. В верхнем ящике была толстая пачка писем, и он сунул

очередное к остальным, прежде чем задвинуть ящик, потом взглянул на часы. Близилось время сопровождать леди Фебу на послеобеденную встречу.

Трепельон проверил пистолеты, схватил трость и направился к лестнице. Ровно год назад он командовал десятками храбрых мужчин, которые шли за ним без сомнений и раздумий. Если они его и не любили, то уж уважали наверняка, все до единого, – уж в этом он имел возможность убедиться. Хорошая была жизнь, он ею был доволен, и даже весьма, и вот теперь под его началом было всего два лакея и дамочка из общества.

Трепельон тихонько фыркнул себе под нос, очутившись на первом этаже. Пусть нынешнее его положение и не столь почетно, но это не значит, что можно исполнять свой долг как придется: охранять леди Фебу от всяческих опасностей он намерен как можно лучше.

Пятью минутами позже Трепельон стоял на парадной лестнице Уэйкфилд-хауса и обозревал улицу. Небо сыпало мелким дождиком, что облегчало задачу: поблизости почти не было зевак. Пробежали трусцой двое носильщиков, подкованными башмаками шлепая по лужам, с крытой кабинкой, которая балансировала на жердях, лежавших на их плечах. Джентльмен внутри кабинки сидел в сухости, но тем не менее кривился, выглядывая наружу. Особняк Уэйкфилдов стоял на тихой площади, а через дорогу, почти у самых его дверей, торчал какой-то разносчик, пока из дома не вышел

лакей и не погнал его прочь.

Ворча себе под нос, Тревельон обернулся и увидел леди Уэйкфилд, которая наблюдала за ним. Рядом с ней, тыкаясь носом в ее юбки, крутилась старая белая собачонка, которую леди, выходя замуж, захватила из родного дома. Насколько он помнил, кличка собачки была Бон-Бон.

– Мэм. – Он поклонился.

– Что заставляет вас, капитан Тревельон, стоять под дождем? – поинтересовалась ее светлость, в то время как собака осмелилась выйти на крыльцо, осмотрела морозящие небеса, чихнула и поспешно потрусилась обратно в дом.

– Просто смотрю, ваша светлость.

– Наблюдаете? – Герцогиня выглянула на улицу поверх его плеча, и ее брови сошлись на переносице, когда она снова взглянула на него. – Высматриваете возможных похитителей, не правда ли?

Тревельон пожал плечами.

– Это моя работа – оберегать леди Фебу от опасности.

– Герцог сказал, что нападавший обезврежен, – заметила герцогиня. – У вас есть причины думать иначе?

Он колебался, тщательно подбирая слова.

– Я должен быть бдителен, ведь дело касается безопасности леди.

Герцогине не откажешь в проницательности.

– Вы говорили его светлости, что по-прежнему считаете, будто леди Фебе может что-то угрожать?

– Я почти каждый вечер встречаюсь с его светлостью и докладываю о своей работе.

– И что же?

Он спокойно встретил ее взгляд.

– Его светлость знает о моих опасениях, однако в данный момент их не разделяет.

Она отвернулась, кусая губу.

– Она ненавидит все это, знаете ли, то есть Феба. – Она указала на пистолеты на его груди. – Разумеется, вы сами понимаете: вас не назовешь непонятливым.

Тревелион ждал, немного озадаченный. Конечно, ему было известно, что леди Фебе не нравится, что ее охраняют: в самый первый день его работы леди прямо заявила, что ненавидит ограничения, которыми брат осложнил ее жизнь, – но он не допустит, чтобы неудовольствие подопечной отвлекло от исполнения долга.

Пусть ненавидит его, если хочет: лишь бы была в безопасности.

Герцогиня вздохнула.

– Если я надавлю на Максимуса, он, возможно, ограничит ее передвижения еще больше, и я не знаю – клянусь, действительно не знаю, – что она тогда сделает. Феба несчастна, хотя хорошо это скрывает. Не хочу, чтобы ее положение стало еще печальнее.

– Ваша светлость, – тихо сказал Тревелион, – пока я рядом, я сделаю все возможное, чтобы с леди ничего не случи-

лось.

Голос герцогини вдруг сделался громче.

– Я не сомневаюсь, капитан Тревельон.

– Артемида? – позвала Феба, спускаясь по лестнице.

– Да. – Герцогиня быстро пересекла холл. – Я только что беседовала с капитаном Тревельоном.

Феба приняла руку ее светлости, и они направились к дверям.

– Вы уже здесь, капитан?

Он кивнул, хотя она, конечно, не могла видеть.

– Вы говорили, что хотите выехать в два пополудни.

Она сморщила носик.

– Вы всегда поразительно пунктуальны. Не уверена, что это слишком хорошее качество.

– Уверяю вас, миледи, никакого отношения к моим личным качествам это служба не имеет.

– Гм. – Феба повернулась к невестке и раскинула руки. – Что скажешь о моем новом платье?

Платье, зеленое с голубым, с желтой нижней юбкой, придавало рыжеватый оттенок каштановым волосам леди Фебы. Если бы вопрос был адресован капитану, он бы сказал, что она прекрасна. Впрочем, она всегда прекрасна – в любом платье.

Только его никто не спрашивал.

К ступенькам подкатила карета, и Тревельон вышел вперед, чтобы подать подопечной руку.

– Ваша карета подана, миледи.

– Куда едешь? – спросила герцогиня.

– Мисс Динвуди пригласила меня на заседание небольшого кружка ее друзей поговорить о театре.

Брови ее светлости поползли вверх.

– Мисс Динвуди, та, что из нашего клуба?

– Да. – Феба улыбнулась невестке, и ее взгляд промахнулся лишь на пару-тройку дюймов. – Она кажется несколько замкнутой, однако мне понравилась.

– Мне тоже, – задумчиво произнесла герцогиня.

– Артемида?

Ее светлость покачала головой.

– Просто... мне кажется несколько странным, что леди Кэр так ничего и не сказала о семье мисс Динвуди.

– Я тоже заметила, – призналась Феба, – но подумала, что мы порой напрасно судим людей по их предкам. Может, лучше не знать, откуда она родом?

В душе Тревельона вдруг прозвенел тревожный звонок.

– Как же тогда судить о человеке, миледи?

Она обернулась на его голос, но ее чудесные ореховые глаза смотрели в никуда.

– Может, просто взглянуть на него повнимательнее? Как себя ведет? Что говорит? Как относится к окружающим?

Она слишком молода, не ведает жизненных невзгод.

– Но за всем этим чаще всего как раз и стоит прошлое человека, его семья, миледи.

– Согласна. Вот почему мне так интересно и ваше загадочное прошлое, и ваша семья, капитан! – Он нахмурился, однако прежде чем он успел ответить, она добавила: – С твоего разрешения, Артемида! Я не хочу опаздывать.

– Конечно, – ответила герцогиня. – Желаю хорошо поселиться, дорогая.

Кивнув, Тревельон повел леди Фебу вниз по ступенькам.

– Я не догадался спросить, однако герцогиня, похоже, была удивлена, узнав, куда вы едете, так что мне, наверное, все-таки стоит спросить: вы действительно испросили дозволения вашего брата на сегодняшний день?

Феба забралась в карету, устроилась на сиденье, дождалась, пока сядет и он, потом стукнула в потолок кареты, давая знать кучеру, что готова ехать, и лишь затем сообразовала ответить.

– Я сказала Максимусу, что собираюсь навестить сегодня подругу.

Карета тронулась.

– А имени вашей подруги вы ему не сообщили?

Она поджала губы.

– Он не спрашивал – был слишком занят какими-то юридическими бумагами.

– Миледи...

– Капитан, вам известно, сколько мне лет?

Он сухо ответил:

– Разумеется, двадцать один год.

Она кивнула.

– То есть я давно уже не дитя.

– Если вы...

– Послушайте, капитан, я ведь ни разу не спросила, сколько лет вам.

– Вы пытаетесь сменить тему! – воскликнул он. – Миледи!

– Ну да, так и есть. – Она обворожительно улыбнулась, как всегда, не стесняясь в проявлении чувств. Неужели она решила, что он чертов евнух? – Удивительно, капитан, как вы догадались.

Последовало недолгое молчание, потом он со вздохом сказал:

– Мне тридцать три.

Она немного подалась вперед.

– Вы такой молодой!

Тревелион против воли поморщился. Интересно, какой возраст она ему приписывала?

– Я на двенадцать лет старше вас, миледи, – возразил он, мысленно обозвав себя занудой. – Кстати, ровесник вашего брата.

Почему-то от этой мысли он помрачнел.

– И все-таки мне казалось, что вы гораздо старше. – Она наморщила носик. – Максимус очень строгий, но по крайней мере смеется, хотя бы иногда: раз или два в год. А вот вы, капитан, вообще никогда не смеетесь, да и улыбаться вряд ли умеете. Я думала, вам лет пятьдесят, не меньше...

Тревельон нахмурился.

– Миледи...

– Или даже пятьдесят пять!

– Феба!

Он осекся. Как он посмел назвать ее по имени? Надо же так потерять над собой контроль!

А леди просто улыбнулась, как довольная кошечка, полакомившаяся сметаной.

– Расскажите о своей семье и о вашем прошлом, *Джеймс*.

Тревельон буквально окаменел и испытующе взглянул на нее.

– Вовсе вы не думали, что мне пятьдесят пять.

Она покачала головой, и эта чертова улыбка продолжала играть на ее сочных губах.

– Нет.

Тревельон отвернулся, изо всех сил стараясь сохранить благоразумие, не потерять честь. Она на двенадцать лет моложе его, а уж чище и невиннее и вовсе на добрую сотню, дочь и сестра герцога, свежа, весела, прекрасна. А у него два заряженных пистолета, больная нога и нечто очень возбужденное. Если бы она знала, убежала бы от него в ужасе.

– Я из Корнуолла, миледи, – сказал Тревельон совершенно спокойно, полностью владея собой, без тени смущения. – Мой отец разводит лошадей, мать умерла. У меня есть сестра и племянница.

– Мне очень жаль, – сказала она тихо, и милое личико

опечалилось.

– Благодарю. – Как хорошо, что можно выглянуть в окно, не опасаясь, что тебя сочтут трусом. – Полагаю, миледи, мы приехали.

Она притворно вздохнула.

– Вам повезло.

Он послал ей укоризненный взгляд – хотя много ли от него толку, если она его не видела? – первым вышел из кареты и кивнул Риду и Хатуэю, потом помог выйти леди Фебе.

Они стояли перед небольшим особняком. Квартал был вполне приличный, хоть и не самый фешенебельный. Опираясь на трость, он поднялся по ступенькам вместе с леди Фебой и постучал.

Через минуту дверь открыл огромный негр, кожа которого под белым париком казалась лоснящимся черным деревом.

– Леди Феба с визитом к мисс Динвуди, – доложил ему Тревельон.

Прежде чем отойти в сторону, пропуская их в дом, негр устремил долгий взгляд на пистолеты и лишь потом провел по лестнице полированного розового дерева на верхний этаж. За распахнутой дверью слышались голоса и смех.

– Леди Феба, – нараспев произнес дворецкий низким, богатым модуляциями голосом.

В комнате находились три женщины: красавица лет тридцати пяти, пожилая леди и некрасивая дама со светлыми во-

лосами и чрезвычайно длинным носом, – а также один мужчина, который поспешил встать.

– Мисс Динвуди, что за чудесный сюрприз: я и не знал, что мы ожидаем леди Фебу!

Тремельон рассматривал Малколма Маклиша с неприязнью: молод, красив и полон жизни. Короче, прямая ему противоположность.

Глава 4

Феба обернулась на голос и протянула руку. Джентльмен принял ее, нагнулся и коснулся губами костяшек пальцев. Она уловила запах чернил и... да, розовой воды, и улыбнулась.

– Мистер Маклиш, клянусь, никак не думала, что снова увижу вас после нашей встречи в «Хартс-Фолли»!

От ее грудного смеха рука капитана Тревельона будто окаменела.

– Миледи, – сказал Маклиш, – да вы просто колдунья, если так легко догадались, кто я такой. Или вам сообщил дворецкий?

– Ничего подобного!

– Тогда как же?

Она покачала головой.

– О нет, оставьте мне хоть пару скромных секретов!

– Ну, вам ли скромничать, – отозвался он галантно. – Позвольте мне увести вас от этого грозного стража и познакомиться с прочими гостями мисс Динвуди.

Капитан Тревельон не шелохнулся, и Феба решила было, что он откажется ее покинуть, но затем он отступил на шаг, его рука выскользнула из-под пальцев, и ее тут же пронзило ощущение потери.

– С вашего позволения, миледи, – проговорил он своим

низким голосом, и ей невольно подумалось, как мрачно он звучит по сравнению с тенором мистера Маклиша. – Я буду ожидать внизу. Когда будете готовы ехать домой, отправьте ко мне горничную.

Феба обернулась на звук его удаляющихся шагов, словно собиралась бежать за ним, что было просто смехотворно.

– Идемте. Идемте же! – настаивал мистер Маклиш. – Если вы не против, я готов стать вашим проводником.

– Вовсе нет.

Она повернулась к нему лицом, и он бережно взял ее руку. У него была крупная рука с длинными пальцами и единственной мозолью возле первого сустава среднего пальца, оттого что нужно держать перо.

– Вы уже знакомы с мисс Динвуди, нашей хозяйкой, – проговорил он на ходу. – Она сидит здесь, справа от вас, лицом к местечку на диване, которое сейчас займете вы.

– Как я рада, что вы смогли приехать, – произнесла дама прохладным контральто.

– Сюда, миледи. Садитесь, – не умолкал мистер Маклиш, направляя ее руку к деревянной спинке. – Воистину лучшее место в этой прекрасной гостиной – уж мне ли не знать, поскольку именно здесь я сидел, когда появились вы.

Феба опустилась на мягкое сиденье.

– В таком случае благодарю, сэра, за то, что согрели для меня место.

– Готов услужить вам во всем, миледи, – ответил он с

легким смешком. – Даже если для этого будет нужна самая неблагородная часть моего тела.

– Ах, мистер Маклиш! – воскликнул второй женский голос справа от Фебы. – Только без непристойностей!

– Вы знакомы с обворожительной миссис Памелой Джеллет? – спросил Маклиш. – Она сидит на диване рядом с вами.

– Сэр, вы проказник, – хихикнула миссис Джеллет. – Такая лесть, да в мои-то годы!

– Мы действительно знакомы, – сказала Феба. – Прошлой осенью мы обе были на званом обеде в загородном доме моего брата.

– Да, миледи, – живо откликнулась дама. – Кажется, именно тогда его светлость встретил свою будущую герцогиню.

– Именно так, – весело согласилась Феба.

Отношения Максимуса и Артемиды начинались со скандала, чего Фебе вроде бы знать не полагалось, но она все равно знала, потому что была слепой, но отнюдь не глухой. В любом случае она давно овладела искусством выпытывать маленькие секреты у таких светских сплетниц, как миссис Джеллет.

– А вот, – поспешил вмешаться Маклиш, – наша четвертая гостья, Энн, леди Геррик. Она сидит напротив вас.

– Очень приятно с вами познакомиться, – сказала леди Геррик своим высоким голосом и немного в нос.

– А я, – сказал Маклиш, – нескромно позволю себе занять место слева от вас: буду любоваться вашим профилем, без-

надежно влюблюсь и умру от горя.

Феба рассмеялась.

– Если вам достаточно посмотреть на профиль, чтобы влюбиться, сэр, тогда вы, должно быть, так и ходите пьяным от любви.

– Вот прекрасный пример женского остроумия! – всплеснула руками миссис Джеллет. – Что вы на это скажете, мистер Маклиш?

– Только то, что меня окружили, превзошли числом и оружием, – со смехом отозвался Маклиш. – А не сделать ли мне из галстука белый флаг?

– Хм, а пока вы будете этим заниматься, – рассмеялась мисс Динвуди, – я, пожалуй, предложу леди Фебе закусить. Не угодно ли чаю, миледи?

– Да, с удовольствием! С сахаром, но без молока.

Она услышала стук серебра и звяканье фарфора.

– У меня есть тминное печенье и миндальные пирожные. Что вам предложить?

– Прошу вас, тминного печенья.

– Оно отменное, – сказала леди Геррик. – Вы должны дать мне рецепт, я покажу его моей кухарке.

– С огромным удовольствием, – улыбнулась мисс Динвуди. – Вот ваше печенье. – Феба почувствовала, как ей осторожно дали в руки небольшую тарелочку. – А чай прямо перед вами, чуть правее.

– Благодарю. – Протянув руку, Феба сначала нащупала

край стола, затем блюдо, взяла чашку с чаем и сделала глоток. – То, что нужно.

– Перед вашим приходом мистер Маклиш как раз рассказывал нам, как продвигается восстановление «Хартс-Фолли», – сказала мисс Динвуди.

«Хартс-Фолли», излюбленный лондонцами парк развлечений, год назад сгорел дотла. Парк славился не только своим лабиринтом, где могли встречаться влюбленные, а также театром, где ставили не только пьесы, но и оперу, – все рассыпалось в прах, к величайшему огорчению Фебы.

– Вы полагаете, его можно восстановить?

– О, даже не сомневайтесь! – тут же откликнулся мистер Маклиш. – Работы прекрасно продвигаются под надзором лорда Килбурна. Вообразите, он сумел высадить взрослые деревья!

Дамы изумленно заахали, а он продолжил:

– И я закончил чертить планы новых зданий.

«Ну конечно! Он же архитектор «Хартс-Фолли», – подумала Феба. – Отсюда и мозоль на пальце, и запах чернил, от него неизменно исходящий».

– Мистер Харт подрядил меня строить величественное здание для театра, открытую музыкальную галерею с ложами – на летние месяцы, да еще всякие увеселительные павильоны, разбросанные по всему саду.

– Чудесно, – задумчиво отозвалась Феба.

Ведь как бы ни были хороши планы, строить-то до сих пор

не начали, а это означает, что придется ждать по меньшей мере месяца два, пока парк подготовят к открытию.

Впервые с той минуты, как она появилась в гостиной, мистер Маклиш заговорил серьезно:

– Уверяю вас, миледи, это не просто чудесно. Мистер Харт планирует превратить «Хартс-Фолли» в величайший в мире парк развлечений. Он выписал кровельщиков из Италии, резчиков по камню из Франции, а резчиков по дереву из Богом забытого маленького королевства где-то на задворках Европы. Я не понимаю ни слова из того, что они говорят, но предметы, которые они изготавливают, просто изумительны. А теперь он говорит, что наймет десятки... нет, сотни рабочих, так что мои здания будут готовы уже к осеннему сезону.

– Так скоро? – ахнула миссис Джеллет. – Не верится, сэръ! Это просто невозможно.

– Тем не менее он планирует именно так, – заверил дам мистер Маклиш. – К Рождеству вы все успеете насладиться потрясающими театральными постановками в «Хартс-Фолли». Даю слово!

– Это было бы замечательно! – сказала Феба. – Правда! Я так скучала по театру «Хартс-Фолли». Разумеется, мне нравятся и другие лондонские театры, но в них нет той сказочной атмосферы.

– Ах как я вас понимаю! – воскликнула леди Геррик. – Я люблю «Роял», но там внутри так темно, такая теснота! Вам не кажется?

– Его строили для лилипутов, честное слово, – презрительно фыркнула миссис Джеллет.

– Здание приглушает голоса актеров, – заметила Феба и повернулась к мистеру Маклишу. – Надеюсь, ваши новые здания позволят музыке и голосам актеров звучать в полную силу, сэр. Мне кажется, именно так и должны строиться самые лучшие театры.

– Обещаю, миледи, что так и будет, – сказал мистер Маклиш. – Если угодно... Не сочтите меня слишком самонадеянным, но, может быть, вам интересно туда съездить?

– Ого! – сдавленно рассмеялась миссис Джеллет. – Будьте начеку, миледи! Может быть, мистер Маклиш и выглядит смиренной овечкой, но он такой же волк в овечьей шкуре, как и прочие джентльмены.

– Не такой уж он и злодей! – весело воскликнула леди Геррик. – Уверю, мне встречались и похуже.

– Не беспокойтесь, дамы, – улыбнулась Феба. – Со мной по распоряжению брата всегда мой страж.

– Видимо, ваш брат вас очень любит, – проговорила мисс Динвуди.

– Да, похоже на то, – легко согласилась Феба, повернувшись туда, где, по ее предположениям, должен был сидеть мистер Маклиш. Она отлично понимала, что подумал бы Максимум насчет похода в заброшенный парк развлечений вскоре после случившегося, но также понимала, что сойдет с ума, если не воспользуется шансом побыть на свободе – хоть

немного. – Мне бы очень хотелось снова побывать в «Хартс-Фолли»!

Тремельон поставил пустую чайную чашку на кухонный стол и кивнул кухарке, полногрудой розовощекой женщине с копной светлых рыжеватых волос.

– Спасибо.

Та смущенно присела в реверансе.

– Не стоит благодарности, сэр.

Бедняжка не знала, как вести себя с этим мужчиной, вторгшимся в ее святая святых.

Тремельон болезненно поморщился, с трудом поднимаясь на ноги с помощью трости. Миниатюрная горничная, которая за ним явилась, бросила на капитана неуверенный взгляд, прежде чем вести его наверх служебным коридором.

Ни рыба ни мясо, не правда ли? Ему платили за услуги, но ведь он не обычный лакей, отсюда и сложности: слуги не знали, как себя с ним вести, – поэтому он провел на кухне два неловких – не говоря уж о том, что скучных – часа. Зря он не захватил с собой книгу.

Горничная ловко едва ли не скакала по ступенькам, и Тремельон с трудом удержал тяжелый вздох. Дамы вышли на верхнюю площадку, прощаясь с хозяйкой. Мисс Динвуди, светловолосая леди лет двадцати с небольшим, была слишком молода, чтобы вести собственный дом. Любопытно. Тремельон не видел признаков присутствия в доме родственни-

цы постарше, чтобы составить ей компанию. Она была привлекательна, но далеко не красавица – черты лица, особенно слишком длинный нос, были далеки от канонов красоты.

От возбуждения леди Феба мило порозовела и весело улыбалась, когда Малколм Маклиш склонился к ее руке.

Внезапно у Тревельона возникло яростное желание треснуть наглеца тростью по затылку, да посильнее.

– Значит, до завтра? – спросил Маклиш.

– Буду ждать с нетерпением, – ответила леди Феба.

– Миледи, – вмешался Тревельон.

Она обернулась, и ее улыбка чуть померкла. На его старом израненном сердце не появилось ни трещинки.

– Вы готовы, миледи?

– Конечно, капитан Тревельон. – Леди обернулась к проему двери гостиной, где толпились остальные дамы. – От души благодарю за приглашение, мисс Динвуди. Я получила огромное удовольствие.

На миг лицо мисс Динвуди приняло странное выражение – капитан не сумел его разгадать, – потом все исчезло.

– Благодарю, что почтили присутствием нашу маленькую компанию, миледи.

Тревельон подвел леди Фебу к лестнице и тихо подсказал:

– Осторожно, вот первая ступенька.

Она кивнула, и они молча стали спускаться. Тревельон был начеку. Лестницы всегда представляли собой опасное препятствие, и не только из-за его ноги. Если бы его под-

опечная оступилась, последствия могли быть катастрофическими, поэтому он боялся, что она упадет на лестнице и расшибется до смерти, хотя до сего дня ни разу даже не споткнулась, если он был рядом.

Когда они добрались до подножия лестницы, Тревельон кивнул дворецкому, и вскоре они вышли на крыльцо. Погода ухудшилась, и дождь лупил всюю с неумолимой настойчивостью.

– Одну минуту, миледи. Идет дождь. – Он сделал знак Риду, дежурившему у кареты.

– Мм. Я слышу его шум, чувствую запах.

Феба запрокинула лицо на звук дождя, словно собиралась пить, и он улыбнулся. Ему не хотелось спешить, хотелось просто смотреть на нее.

Примчался лакей.

– Дай-ка твою куртку, Рид! – распорядился Тревельон.

– О нет... – начала леди Феба, но Рид уже стянул с себя куртку, чтобы растянуть над ее головой.

– Это его работа, миледи, – объяснил Тревельон, и одобрительно кивнув Риду, он осторожно повел леди Фебу вниз по ступенькам.

Остальные кареты выстроились вдоль тротуара дальше по улице. Не обошлось без некоторой суеты: лакеи выскакивали, чтобы прикрыть хозяек от дождя, а леди подхватывали юбки, вскрикивая под дождем.

С ярко-розовым сюртуком он столкнулся как раз в тот мо-

мент, как они торопились сесть в карету. Тревельон негодуяще поднял глаза и тут же испытал небольшое потрясение, встретив взгляд знакомых голубых глаз.

– Капитан. – Джентльмен кивнул, губы его скривились в злобной усмешке.

– Ваша светлость...

Мужчина сверкнул ослепительной улыбкой и повернулся, намереваясь взбежать по ступенькам особняка мисс Динвуди. Леди Феба слегка повернула голову, пригнувшись.

– Если не ошибаюсь, амбра и... жасмин. Кто это был?

Тревельон задумчиво сощурился, наблюдая, как ловко преодолевает ступеньки облаченная в розовый шелк спина.

– Герцог Монтгомери, миледи.

– Вот как? Хотела бы я знать, что ему понадобилось в этой части города.

Действительно, что?

– Идемте же. Ступенька лесенки прямо перед вами.

Рид взялся за ручку дверцы кареты, Тревельон крепко держал Фебу за локоть. Когда она взбиралась по лесенке, он оглянулся через плечо. Дверь особняка мисс Динвуди открылась, но на пороге оказался вовсе не чернокожий дворецкий, а Малколм Маклиш.

При виде Монтгомери он нахмурился.

– Что вы здесь делаете?

– Проверяю вложение своих денег, – протянул герцог. – Идет дождь, Маклиш. Впустите меня в дом и постарайтесь

на время вспомнить умение выражаться прилично.

Мужчины исчезли в доме.

– Вы едете? – позвала из глубины кареты Феба. – А то меня заливает.

– Прошу прощения, миледи, – пробормотал он, усаживаясь, и постучал тростью в потолок кареты.

Они двинулись в путь.

– Вы совершенно несносный человек, знаете ли, – светским тоном произнесла Феба.

Тревелион рассеянно хмыкнул в ответ и потер икру большой ноги. В сырую холодную погоду она принималась ныть. Он мог бы привести сразу несколько причин, зачем Валентайну Нейпиру, герцогу Монтгомери, понадобилось навестить мисс Динвуди, но, к сожалению, ни одна не сулила ничего хорошего.

– Думаю, вы делаете это нарочно, – мрачно заключила Феба.

Ему пришлось оторваться от тревожных мыслей, чтобы заняться насущными вопросами.

– Прошу прощения, миледи, но я заметил, что вы сговаривались с мистером Макклишем. Могу я спросить, о чем?

Она наморщила носик – так восхитительно, что у него перехватило дыхание.

– Завтра после полудня я встречаюсь с ним в «Хартс-Фолли».

Ее ответ заставил его насторожиться.

– Не думаю...

– Если вы забыли, так именно в «Хартс-Фолли» я впервые встретила мистера Маклиша – несколько месяцев назад, когда вы сами привезли меня туда.

– Я был там по делу, и, если помните, это не я предложил, чтобы вы сопровождали меня туда, миледи.

Она беспечно взмахнула рукой.

– Чепуха! Мистер Маклиш сказал, что хочет показать мне новые растения и место, где собирается построить свой театр. Я поеду, и это окончательно.

– Нет! – прорычал капитан. – И я вынужден сообщить о ваших намерениях его светлости.

– Знаете, иногда я вас просто ненавижу! – выкрикнула Феба, и краска бросилась ей в лицо.

У него екнуло в груди.

– Да, миледи, знаю.

– Я не... – спохватилась Феба и покачала головой. – Это не так, Джеймс.

Зачем она то и дело называет его по имени? В прошлый раз, в карете, ей хотелось его подразнить, а сейчас... Тревелльон понятия не имел, чего она добивается. Может, и ничего, а может, это просто очередной дамский каприз, на который не стоит обращать внимания. Вот только факт есть факт: каждый раз, когда она называет его по имени, у него екает в груди. Никто уже много лет не говорил ему «Джеймс».

Вероятно, поэтому следующие слова были сказаны осо-

бенно холодным тоном.

– Вряд ли имеет значение, миледи, что вы обо мне думаете: несмотря ни на что, я всегда буду вас охранять.

– Хорошо, – сказала она.

Странное дело: его гневная тирада почему-то заставила ее воспрянуть духом.

– Не будем об этом забывать, договорились?

В тот вечер Феба спустилась к обеду в сопровождении двух собак: слева к ней прижималась одна из борзых Максимиуса, а у ног прыгала Бон-Бон, лохматая комнатная собачка Артемиды.

– Осторожно, миледи, – послышался из-за спины голос ее телохранителя.

Фебе показалось, что у нее оборвалось сердце – совсем чуть-чуть, как будто она оступилась и нога провалилась в пустоту, хоть она и не оступалась.

– Я всегда осторожна, – успокоила его девушка, крепче ухватившись за мраморные перила.

– Боюсь, не всегда, миледи. – Голос приблизился, и теперь стал слышен глухой стук трости о мрамор ступенек.

– Подумайте лучше о себе, капитан, – парировала Феба. – Ходьба по лестницам не для вашей ноги.

В те редкие мгновения, когда успевала подумать, прежде чем сказать, Феба не сообщала ему, что слышит, насколько сильнее становится его хромота после преодоления лестни-

цы. Разумеется, Тревельон не ответил, но она услышала:

– Кыш! Кыш отсюда!

Феба слышала цоканье собачьих когтей по мрамору: обе собаки бежали впереди.

– Зачем вы их гоните? Я их люблю обеих.

– Они, конечно, вас тоже любят, но это не мешает им при случае попасть вам под ноги.

Вместо ответа она тяжело вздохнула и молча пошла дальше. Добравшись наконец до первого этажа, Феба протянула руку, и тут же у нее под пальцами оказалась его левая рука, теплая и сильная.

– Вы обедаете с нами сегодня, капитан? Полагаю, Максимус намерен отвлечься от дел, которыми как раз сейчас занимается, и тоже будет с нами. Ему понадобится ваша мужская поддержка.

– Да, миледи, – ответил Тревельон. – Я непременно буду.

– Чудесно! – Она радостно улыбнулась, и неизвестно от чего ее голова пошла кругом.

Пусть Тревельон обедал с ними нечасто, она каждый день проводила в его обществе, но с каких это пор от мысли, что он придет, ее охватывало такое возбуждение?

Он проводил ее в столовую, и Феба услышала голоса Артемиды и кузины Батильды.

– Максимус уже пришел?

– Да. Феба, я здесь, – долетел до нее из-за стола низкий голос.

– Вот и хорошо! – безмятежно воскликнула Артемида. –

А то я уже подумывала поджечь твой кабинет.

– А я бы тебе помогла, – объявила кузина Батильда.

– Мир, дамы, – улыбнулся Максимус. В этот вечер брат, похоже, в превосходном настроении, подумала Феба, когда Тревельон помог ей занять место слева от него, а сам сел слева от нее. – Из угощений сегодня фазан и лосось. Давайте пировать.

Феба нащупала край столешницы, затем – тарелку, на которой стояла неглубокая чашка. Стало быть, суп уже подали.

– А что ты сегодня делала, женушка? – начал Максимус особым голосом, который Феба называла про себя голосом члена парламента.

– Прошлась по магазинам, а днем навестила Лили.

Лили – это новоиспеченная невестка Артемиды, жена ее брата-близнеца Аполлона, виконта Килбурна.

– И как она?

– Взялась за новую пьесу.

– О-о, правда? – вмешалась Феба. – Великолепно! И о чем же она?

– Секрет, – ответила Артемида, явно несколько раздраженная: мало кто осмеливался отказывать герцогине. – Но она писала, как одержимая. Когда я к ней зашла, у нее на лбу было чернильное пятно, а у их собаки – ты же помнишь Нарцисску? – и вовсе был испачкан хвост.

– О да!

Феба взяла суповую ложку: в чашке оказался превосходный суп из бычьих хвостов.

– Я скажу мисс Динвуди, что Лили пишет: сегодня мы как раз о ней говорили. Мистер Маклиш был очень огорчен, когда узнал, что Лили решила оставить сцену ради сочинительства.

Она съела еще ложку супа, настолько поглощенная вкусовыми ощущениями, что не сразу обратила внимание на воцарившуюся тишину за столом.

– Кто такие эти мистер Маклиш и мисс Динвуди? – едва не завопил Максимус, словно ему уже стукнуло по меньшей мере восемьдесят пять.

Феба осторожно положила ложку на стол и спокойно сказала:

– Это архитектор, который проектирует новые здания для «Хартс-Фолли». Он, как и я, был приглашен на чай к мисс Динвуди. Или, скорее, там собирался ее театральный кружок. У нас была очень интересная беседа о новейших пьесах и актерах, и о певице-сопрано, которой покровительствует герцог из королевской семьи, а она увлеклась своим театральным агентом.

Она умолкла, в надежде, что этого достаточно, но Максимус с расстановкой спросил:

– Ты не рассказала о мисс Динвуди.

Сердце Фебы упало, но тут поспешила вмешаться Артемида:

– Мы познакомились с ней на заседании дамского общества. Помнишь, я говорила тебе о даме, которая хотела бы стать участницей наших заседаний? Ее привела леди Кэр.

– Помню, но ты сказала, что никто ничего не знает ни о ее происхождении, ни о ее семье, – заметил Максимус.

Феба почувствовала тяжесть в груди.

– Какое кому дело? Зачем вам обязательно знать родословную каждого, с кем я встречаюсь?

– Это важно, – отрезал Максимус, – потому что ты моя сестра, а мисс Динвуди, насколько нам известно, находится на содержании.

– О нет, Максимус! – возмутилась кузина Батильда. – Конечно же, нет, раз ей покровительствует сама леди Кэр!

– Это ваша вина, Тревельон!

– О нет, только не это! – Феба уже дрожала всем телом. – Я не позволю тебе возлагать на капитана вину за мои поступки, как будто я умалишенная!

– Тогда, вероятно, не надо вести себя, как умалишенная!

– Пойти на чай к подруге теперь что, признак слабости ума?

– К подруге, которую мы не знаем!

– То есть ты не знаешь, – парировала Феба, побледнев от гнева.

– Какая разница?

– А знаешь, Максимус, мне все равно, черт возьми, кто такая и откуда взялась мисс Динвуди! – Она слышала, как

кто-то изумленно ахнул, но остановиться уже не могла. Феба любила брата: будучи гораздо старше, он всегда заботился о ней, защищал, – однако создавшееся положение становилось просто невыносимым. Страх, отчаяние и гнев бушевали в ней и переливались через край, выжигая все на своем пути. Она вскочила, опрокинув что-то на столе, и фарфор разлетелся осколками. – Она моя подруга, не твоя, я не могу жить в изоляции и, как все, имею право бегать, спотыкаться и падать. Я не хочу, чтобы каждый мой шаг был предусмотрен и спланирован. Меня связали по рукам и ногам, чтобы снизить до минимума любой риск... А ведь жизнь – это тоже риск!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.